

Девушка
без
недостатков

Наталия ЛЕВИТИНА ДИЛЕТАНТ

Наталия Левитина

Дилетант

«Автор»

Левитина Н.

Дилетант / Н. Левитина — «Автор»,

«Милая девочка», – подумал мэр. Ее светлые волосы блестели на солнце, абрикосовое платье подчеркивало загар. Знал бы он, как сильно ошибается! Она в жизни не была милой девочкой. Она была стервой». Красивые женщины становятся разменными монетами в изощренных мужских играх. Но некоторые пешки ведут свою партию... Ника – королева эфира, весь мир у ее ног. Но ей не нужен весь мир, она хочет занять место Его жены. Олеся не знает цены трамвайного билета, а на нижнее белье тратит столько, сколько другие зарабатывают за месяц. И эта орхидея оказывается в чужом городе, без документов и денег, зато в дизайнерских мини-шортиках! Её ребенка украли, родных шантажируют, и никто не верит, что она дочь влиятельного чиновника, а не девушка легкого поведения... Хотя именно девушку легкого поведения не так-то легко разглядеть в приличной барышне, об этом очень хорошо знает Шушу, чьи услуги некоторым обходятся слишком дорого. Все они – не те, кем кажутся. Как и столичная журналистка, которая готовит сенсацию о местной элите...

© Левитина Н.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	44
Глава 12	46
Глава 13	48
Глава 14	51
Глава 15	58
Глава 16	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Наталия Левитина

Дилетант

Глава 1

Вид, в котором Маша сидела в кресле перед телевизором, был потенциально опасен, как радиоактивный изотоп. Но в окна квартиры ломился тридцатиградусный зной, душная жара повисла в комнате, и Маша только что совершила очередную экспедицию в ванную, где вылила на себя ведро холодной воды. Она была дома одна, если не считать кота Бублика, бездыханное тело которого валялось возле ее голых ног, и поэтому могла позволить себе какой угодно вид и позу. Впрочем, так как Машина самоуверенность простиралась до границ Эгейского моря, она смогла бы позволить себе такую же беззаботную наготу и в том случае, если бы ее одиночество в этот раскаленный июньский день было бы кем-то нарушено.

Серый лохматый Бублик, уже три часа тому назад сдохший от безумной температуры воздуха и паркета, лежал на боку, закатив глаза и открыв пасть. В его остекленевшем взгляде застыли тоска и недоумение. Он не понимал, почему Маша до сих пор не поставила в квартире кондиционер. Действительно, почему? Стоило только Маше намекнуть кому-нибудь из поклонников, и кондиционер тут же монотонно и упоительно загудел бы в одном из оконных проемов, снижая сумасшедшие африканские градусы до нормального уровня.

Да. Маша часто принимала подарки от мужчин. Это пагубно отражалось на ее нравственных принципах и благотворно – на обстановке квартиры. Оправданием мог служить только факт, что Маша никогда ничего не просила.

Мягкий кожаный уголок (правда, не совсем новый) – в одном из кресел Маша сейчас и находилась, предусмотрительно отделив себя от горячей молочно-ореховой обшивки махровым полотенцем, – переместился в ее квартиру после бурного краткосрочного романа с владельцем автосервиса. Товарищ помог нанести последний заключительный удар по внутренностям измочаленного «жигуленка», на котором иногда передвигалась Мария по опасным московским трассам. После ремонта «единичка» бодро доехала почти до Машиного подъезда и элегантно вписалась в не замеченный Машей экскаватор, ударно трудившийся в тот день во дворе на ремонте трубопровода. Автомобиль погиб окончательно, но владелец автосервиса не смог так быстро забыть раскрепощенную зеленоглазую блондинку, и в апартаментах Марии вскоре появился мягкий уголок современных очертаний и баснословной цены – взамен некрасивого старого дивана.

Видеодвойку с барского плеча пожаловал сравнительно юный (не старше сорока) директор кирпичного завода – у него Маша брала интервью, и к концу второго тайма обе стороны обнаружили такое сходство взглядов и интересов, что не оставалось ничего другого, как продолжить совместное ток-шоу в нерабочей обстановке.

И буковый паркет тоже кто-то где-то украдкой списал с баланса и приволок к Машиным ногам. Мужчинам всегда хотелось сделать ей подарок. Наверное, за краткий пролог, вулканическую кульминацию и безболезненное расставание. Маша легко знакомилась и легко прощалась, оставляя в груди завоеванных мужчин чувство благодарности, невыносимое, как разрывная пуля.

Но кондиционера в квартире не было.

Бублик проявил феноменальную смекалку. Он подполз поближе к Машиной голой ступне, покрытой круглыми бриллиантовыми капельками воды, и принялся слизывать влагу розовым абразивным языком.

– Ты что, Бублик, офонарел? – завопила Маша. – Мне самой жарко! А еще ты!

Бублик попытался придержать ногу хозяйки мягкой лапой, чтобы закончить обработку большого пальца, достаточно мокрого и прохладного, но в ту же секунду несильно получил по морде.

Маша снова отправилась в ванную, и кот понуро поплелся следом, собираясь, вероятно, посмотреть, что он сможет предпринять для спасения себя от теплового удара.

Но разгоряченная журналистка не дошла до ванной, так как зазвонил телефон. Маша и Бублик обернулись, посмотрели на телефон, потом друг на друга.

– Взять? – шепотом спросила Маша, будто ее мог услышать неизвестный абонент. – Или не брать? Алло?

– Маша Понтыкина, почему не на работе? – раздался официальный, но вкрадчивый голос Аркадия Гилермана, редактора скандальной московской газеты «М-Репортер». Если бы Гилерман видел, что из одежды на его подчиненной сейчас только телефонная трубка, он бы не был столь официален. Несомненно, был бы приветливее.

– Статью пишу, – мрачно ответила Маша. – Уже заканчиваю.

Она убрала громкость телевизора и щелкала пультом, прыгая по каналам. Везде попадалась реклама.

– Маша Понтыкина, – предупредил серьезный редактор, – я жду тебя через час в своем кабинете.

Гилерман был коварен, как Международный валютный фонд: денег давал мало, а требований предъявлял выше крыши.

– Правда? Зачем? – уныло спросила Маша. Ей очень хотелось в ванную и вовсе не хотелось в кабинет к редактору. Все капельки давно испарились с ее тела, и требовалось пополнить запасы воды.

– Для тебя есть задание! – обрадовал Гилерман. С того конца провода веяло солнечным морозным утром.

Маша знала, что кондиционер в кабинете редактора работает на полную мощность и сам Аркаша, в отличие от нее, сидит в наглаженной, ослепительно белой рубашке и при галстуке.

– Задание, – окончательно сникла Маша. – В такую жару. Ты меня ненавидишь!

– Я тебя боготворю, – серьезно ответил Аркаша. По какой-то трагической случайности именно ему, Аркадию Гилерману, Маша отвела роль последнего бастиона своей нравственности, и это страшно возмущало и ранило редактора газеты. – Я от тебя без ума, поэтому постараюсь через час оказаться у меня в кабинете. И захвати статью, которую заканчиваешь. И то интервью, с майором ФСБ, которое обещала сдать еще три недели назад. Ты меня поняла?

Из ванной комнаты раздался жуткий вой.

– Поняла! – крикнула в трубку Маша. – Буду. Готовь фужеры и презерватив. Ну, пока, у меня с Бубликом что-то стряслось!

– С каким бубликом?! – не понял Аркадий, но непредсказуемая подопечная уже бросила трубку. – Бублик какой-то.

В полном ведре – вода нагревалась до комнатной температуры, прежде чем Маша вылила ее на себя, – плавал с выпученными глазами наконец-то охлажденный Бублик.

– Чучело мое!

Маша выловила и отжала кота, облилась водой, посмотрела в зеркало и решила не краситься. Собрала в хвост светлые, выгоревшие волосы. В спальне она с отвращением натянула на себя горячее, как вулкан Ключевская Сопка, узкое платье, собрала в папку бумаги и дискеты и отправилась в редакцию.

Девушка под села к его столу в открытом летнем кафе на Крещатике, с трудом втиснув фантастическую грудь в просвет между двумя начатыми бутылками с колой и минералкой. Вадим забыл о всех мерах предосторожности и не сводил глаз с двух победоносных капитолий-

ских холмов, выпиравших из-под ажурной маечки, – эпицентры знойных полушарий откровенно темнели, словно крупные вишни. Вадим не устоял.

А надо было вспомнить о вечернем мероприятии, об ответственности, о темно-синей спортивной сумке под столом, о пяти тысячах задатка, и все стало бы на свои места. Но девица была так же пышна и ароматна, как свежий круассан, взятый им в дополнение к чашке кофе. И ей было не более семнадцати лет.

– Можно? – спросила девушка, дотрагиваясь до бутылки с кока-колой. В руках она вертела одноразовый стаканчик. – Меня зовут Лора. А вас?

Одна из тех малолетних бездельниц, что весь день слоняются по Крещатику, околачиваясь в дешевых кафе, обнимаются со знакомыми парнями и выпрашивают подачки у незнакомцев.

– Кондрат, – соврал Вадим, усекая свою фамилию Кондратюк до архаического имени.

– Чудовищно! – восхитилась Лора. Она уже ела его круассан с шоколадной начинкой.

Вадим был готов пожертвовать еще чем-нибудь, только бы она никуда не уносила свой бюст. Итак, если он решил пренебречь железными алгоритмами поведения, забыть о кодексе служебных правил, нарушить заветы Ильича, то надо действовать молниеносно и элегантно.

– Еще булочку? – ласково спросил Вадим, удобно пристраивая оба глаза на левом Лоринском холмике.

– Две, – не растерялась девушка. – Какая чудесная погода!

Теплый ветерок ласково тронул ее детское, чистое лицо, подтверждая правильность тонкого наблюдения.

– Да, погода чудесная, но становится жарковато, ты не находишь? – Вадим собирался выстроить сложную конструкцию и незаметно толкнуть глупышку в капкан.

– Если вам жарко, можно пойти ко мне, – беззаботно предложила Лора, сдаваясь без боя и хитроумных уловок. – У нас хорошо. Прохладно. Только купите мне еще бутылку колы, ладно?

У Лоры действительно было прохладно. Окна квартиры выходили в тенистый каштановый двор, по деревянному, крашенному масляной краской полу гулял сквозняк.

Лора с разбегу прыгнула на старинную железную кровать с никелированными шишечками – та отозвалась пружинным звоном – и взглядом пригласила гостя последовать ее примеру. Но Вадим решительно завернул в ванную. Там в тусклом желтом свете голой лампы он врубил на полную мощность оба крана – вода забарабанила по дну допотопной квадратной раковины с отбитой эмалью – и сунул голову под струю.

Лора быстро освободилась от ажурной майки и короткой юбочки, воровато оглянувшись и потянувшись к темно-синей сумке. Открыть сразу не удалось: застежка «молнии» была пристегнута к ручке миниатюрным замком. Девушка на секунду замерла, потом подскочила (капитолийские холмы подскочили тоже) и стремительно ринулась к дряхлому облупленному комоду под белой кружевной скатертью. С набором импровизированных отмычек – шпилька, булавка, зубочистка – она вернулась к сумке. И через секунду с жадным интересом погрузила обе руки по локоть в недра нехитрого багажа Вадима.

Джинсы, чистая футболка, немного мятый летний пиджак и дорогой галстук, а внизу что-то твердое и тяжелое. С замиранием сердца Лора смотрела на маленький прямоугольный сверток (деньги?) и два пистолета.

– О! – задохнулась от восторга и ужаса Лора. – Прямо ковбой! Или киллер. Надо же! Киллер Кондрат. И богатенький!

У нее получилось «бохатенький хиллер Хондрат». Еще в сумке лежала аккуратно сложенная газетная страница. Лора с вождением ошупала пачку денег и, вздохнув, положила ее обратно. К смертоносному оружию она и не притрагивалась.

Когда «хиллер» Вадим появился из ванной, его темно-синяя сумка чинно стояла в углу, там, где он ее и оставил. А на старинной кровати лежала и улыбалась юная Лора с бутылкой

кока-колы, и вся композиция смотрелась словно убойная обложка крутого эротического журнала.

Глава 2

Редактор говорил по трем телефонам, делал записи в гигантском блокноте с черной обложкой и золотыми уголками и щелкал «мышью», просматривая что-то на экране компьютера. На краю стола высилась запотевшая бутылка минералки и бокал, явно приготовленные для Маши, а в глазах Аркадия мелькнул немой вопрос: насчет презерватива – это что, шутка? Или можно надеяться?

Маша открыла дверь ногой, но так как нога была длинная, загорелая и провокационная, то Гилерман не воспротивился. В принципе он был согласен, чтобы корреспондент отдела расследований Мария Майская с утра до вечера отработывала приемы каратэ в его кабинете, используя дверь в качестве тренажера.

Фамилию Майская Маша придумала сама, в качестве псевдонима («Мой ксюндоминт», – шептала она с придыханием, опуская глаза и мило смущаясь), маскировавшего непритязательное наименование «Понтыкина». Аромат яблоневого цвета, дуновение влажного весеннего ветра, волнение юности, предчувствие любви и ожидание радостных перемен слышала Маша в своем «ксюндоминте». «Я Маша Майская, – говорила она, протягивая собеседнику, обычно мужчине, руку для знакомства и пристально изучая его беспокойным, как морская волна, светло-зеленым взглядом. – Я работаю в газете „М-Репортер“ и умру от разочарования прямо на коврике в вашем кабинете, если вы не дадите мне интервью».

Интервью давали охотно. Но потом иногда герои Машиных статей отправлялись в суд из-за несогласия с некоторыми формулировками и выражениями. Парадокс заключался в несоответствии Машиной внешности ее интеллектуальным способностям и врожденной вредности. Взгляд собеседника отдыхал на Машиных формах, ее детская улыбка и светлая челка не таили опасности и подвоха, приглашая визави расслабиться, забыть о проблемах и выложить журналистке-чаровнице всю подноготную. Многие так и делали, а потом с возмущением называли редактору Гилерману, требуя унять наглую девицу и напечатать опровержение. Аркадий обеими руками поддерживал заявления, что девица наглая, но печатал опровержения только по решению суда.

Взмокшая Мария бросила на стол бумаги и две дискеты, развалилась в кресле, заставив себя все-таки забросить ногу на ногу (ноги тут же неприятно прилипли друг к другу), чтобы не выбивать начальника из рабочей колеи, и замерла до того момента, когда кондиционер охладит ее разгоряченное июньским неподвижным зноем тело и она вновь обретет способность двигаться.

– Налить воды? – ласково спросил по-еврейски заботливый Аркаша. – Уморилась, ласточка? Неужели на улице так жарко?

Он с недоверием глянул в окно и пошевелил плечами. Ему было даже вроде бы и холодно.

– Так, Мария Понтыкина, едешь в Шлимовск, – сказал Гилерман. – Это на Южном Урале.

– Ни хрена себе, – вяло возмутилась Маша. – А в Гвинею-Бисау не надо?

– Там выбирают мэра, – продолжал редактор. – Будешь освещать.

– Вот еще. Какой Шлимовск, к черту! У меня и в Москве работы хватает; Почему я?

– Потому что ты. Предвыборная агитация уже началась, шесть кандидатов, включая действующего мэра, – полный джентльменский набор: и бизнесмен, и директор завода, и представитель местной интеллигенции, а также коммунист и бесноватый полковник, возглавляющий шлимовское отделение «Союза русских патриотов», молодчики которого едва не изнасиловали тебя месяц назад на митинге.

– Это они тебя чуть не изнасиловали, – кисло заметила Маша. – А меня пытались пригласить в ресторан.

– В общем, двигай.

– Ты что, Аркаша, все-таки серьезно? – не поверила Маша. – И вправду собрался отправить меня на Урал? Зачем? За что?

Маша сменила позу и потянулась за бутылкой минералки. У Гилермана дрогнула челюсть.

– И дался тебе этот разнесчастный Шлимовск, – продолжала ныть Мария, – ну, выборы, ну и что? Да я тебе в радиусе пяти километров от нашего здания таких сенсаций накопаю – закачаешься! Пожалуйста, Аркаша, не используй свое служебное положение для совершения подлости, представь, мне париться в самолете, в аэропорту, вдали от домашнего комфорта, ради чего? Дались тебе эти проклятые провинциальные выборы!

– Я надеюсь, ты привезешь из Шлимовска конфетку. Будет битва компроматов, отковыривание засохшей грязи, разоблачения, обвинения, скандалы. То есть я высаживаю в виде тебя десант на питательнейшую почву и жду, что в Шлимовске твой талант буйно расцветет. А что провинция, не беспокойся. Читателям это не помеха, провинциальная грязь не менее сочна и привлекательна.

– Хорошо, поеду, – внезапно согласилась Маша и, уставившись на Аркадия наглыми зелеными глазами, невозмутимо и ни капли не смущаясь, поправила бюст в лифчике. Гилерман задохнулся.

«Ну и отомщу же я тебе, – со злостью и азартом подумала Мария. – Плакать будешь и умолять меня скорее вернуться в Москву!»

– Ладно, не злись, – засуетился Аркадий, словно прочитав ее мысли. – Съездишь, развеешься. Познакомишься с претендентами и электоратом.

– Познакомлюсь, – согласилась Маша. – Только бы СПИД не подцепить.

Гилерману в очередной раз напомнили, что в определенной сфере он обделен Машиним вниманием. Он грустно вздохнул.

– Стерва ты, Мария Майская, – печально сказал Аркадий. – Иди в бухгалтерию за деньгами.

– Ангелы твоей желтой газетенке не нужны, – напомнила Маша. – И вообще нигде не нужны.

Она достала пудреницу, посмотрела в зеркало и убедилась, что пудра ей ни к чему, сунула в рот жвачку и встала с кресла.

– Целоваться будем на прощанье? – серьезно спросила она у редактора, направляясь к двери и надувая по пути из жвачки огромный пузырь.

Тот засуетился, задышал, помчался вслед за корреспонденткой Понтыкиной, едва не снес стол, схватил Марию за руку и попытался притянуть к себе.

– Хорошо пахнешь, – сказала Маша, отодвигаясь, – и галстучек неплохой. Небось стоит побольше моей квартальной премии? Ну, чао, апельсинчик, остаешься за главного. Целую ручки.

– У нас что, кто-то был? – спросила Марьяна, выкладывая на тарелки яичницу с огромной сковородки с шершавыми черными боками. – Нарезь хлеб.

– С чего ты взяла? – забеспокоилась Лора. – Опять яичница!

Девушки сидели на кухне с открытым окном, в которое дул вечерний ветер, шуршал листьями каштан и доносились крики с детской площадки.

– Если у тебя есть деньги на более изысканный ужин – не стесняйся. Я с удовольствием съем что-нибудь подороже яичницы. Итак, ты не ответила, у нас кто-то был? Весь коврик в ванной залит водой.

– Заметила! – недовольно промычала Лора, запихивая в рот ненавистную глазунью. – Все замечаешь. Ко мне друг приходил.

– Какой друг? Кто? Я знаю всех твоих друзей.

- А этого не знаешь! Я с ним сегодня познакомилась.
- И сразу привела домой!
- Вечно ты меня допрашиваешь и осуждаешь!
- Я твоя сестра, и я, между прочим, тебя кормлю и одеваю.

Лоре было нечем крыть. Верно, после смерти родителей, кроме Марьяниных денег, других источников дохода в семье не было. И старшая сестра не уставала раздраженно напоминать об этом.

- А ты, Лорка, водишь каких-то мужиков. Лучше бы устроилась на работу!
- Куда я пойду? А он, Марьянка, такой хороший! Он мне дал...

Лора хотела было сообщить сестре, что, в отличие от других «друзей», Кондрат дал ей десять долларов, чтобы немного реабилитировать сегодняшнего посетителя в глазах Марьяны, но передумала. Марьянка тут же потребовала бы отдать ей баксики на оплату коммунальных счетов или еще чего-нибудь, нет, лучше оставить их себе.

- Что он тебе дал? – спросила сестра.
- У него пистолеты в сумке! – выпалила Лора первое, что пришло в голову, чтобы увести разговор в сторону от десяти долларов.
- Господи! Ты смеешься?
- Правда-правда! – убедительно закивала Лора. – И еще фотография этого, как там его, по телевизору часто показывают, фамилия такая, ну... Этот, ну, «отец украинской гривны», банкир...

- Хоменко?
- Нет, нет, другая фамилия.
- Подопригора?
- Точно, он. Седой такой, улыбчивый. В общем, его фотография. – Лора глупо захихикала. – У нас в гостях был киллер! А что к чаю? Просто батон? Хоть бы конфет купила, Марьянка!

- Какая же ты дура! – возмутилась сестра. – Надо ведь в милицию!
- Зачем? – оторопела Лорка. – Зачем в милицию?
- Глупая какая, господи! Если он киллер и собирается убить Подопригору!
- Ой, я не подумала! – изумилась Лора. Она и вправду не подумала. Факты укладывались в ее шестнадцатилетней голове в отдельные, изолированные ячейки и никак не взаимодействовали между собой.

– Хотя... – задумалась Марьяна. – Как-то малореально. Ходит по Киеву с оружием в сумке и фотографией Подопригоры. А если его остановят? Проверят вещи? Ты что, рылась в сумке?

– Ага, – довольно кивнула Лора. Про пачку долларов она решила не упоминать, чтобы не выводить разговор на денежную тему.

– Дурында! И зачем ты его вообще привела! Ну ладно. Ты, наверное, не разобралась, пистолеты ненастоящие. Не мог киллер таскать с собой такой опасный груз, да еще и пойти с ним в гости к незнакомой девке. Вспомни, наверное, они ненастоящие?

Лора задумалась. Если Марьяна говорит, что так быть не может, то, вероятно, пистолеты были игрушечными. Она ведь их и не трогала. Да, точно, ненастоящие.

Девушки убрали посуду после нехитрого ужина и отправились во двор, посидеть на скамейке и пообщаться с соседями. Телевизор у них не работал, газет они не выписывали, книг читать не любили – то есть больше заняться было абсолютно нечем. А если бы телевизор работал и девушки дождались последних известий, то они услышали бы сообщение, что известный банкир Василь Подопригора был убит сегодня в одиннадцать вечера в подъезде своего дома.

Как у космонавтов неясно до последнего, кто полетит, так и Вадим узнал, что выполнять операцию поручено все же ему, а не дублеру, за час до включения секундомера.

Элитная кирпичная девятиэтажка с бассейном, сауной, тренажерным залом в цокольном этаже высилась над голубыми елями, обрамлявшими тихий двор. Несколько отполированных иномарок стояло на специальной разметке около подъезда и неярко сияло стеклами в розовом закате.

Потом сгустились сумерки. Дублер остановил серую «восьмерку» в двухстах метрах от дома. Вадим проник в девятиэтажку через тренажерный зал (окно было оставлено открытым) и поднялся в лифте на седьмой этаж. Подъезд был словно умышленно спланирован архитекторами так, чтобы дать возможность убийце удобно спрятаться в ожидании жертвы. Выемки, выступы, повороты Вадим стоял в нише около двери и рассматривал плиточный пол. Через пятнадцать минут он услышал, как хлопнула дверь подъезда, и почувствовал приближение развязки.

Дело было элементарным. Пистолет с глушителем стрелял практически неслышно, нетренированное ухо восприняло бы этот хлопок как стук картонной коробки, шлепнувшейся на ступеньки лестницы. Охранник успел оглянуться, и Вадим видел, как вспыхнули удивлением и тут же погасли его глаза. Подопригора упал около железной, обитой пластиком «под дерево» двери своей квартиры, уткнувшись седым ежиком в холодный порог. За дверью осталась молодая, красивая, не первая по счету жена, которая мягко уговаривала и никак не могла уговорить лечь в кровать трехлетнюю девочку-егозу с такими же карими, как у Подопригоры, глазами. Девочка не желала отправляться спать, прежде чем не вернется с работы ее «любимый папуля». Еще целых полчаса они провели в состоянии неосознанного счастья. Затем в их квартиру тревожно забарабанили соседи и ворвались смерть и горе.

Вадим обошел трупы и спустился вниз тем же маршрутом. Дублер ждал в «восьмерке» с включенным двигателем и изрядно вспотел в нагретой машине.

Глава 3

Марьяна понимала, что не исключительные профессиональные способности привлекают к ней хорошую клиентуру, а умение казаться еще большей дурой, чем те богатые матроны, которым она делала маникюр.

К тому же она добавляла в утренние манипуляции с холеными ручками дам солидную дозу лести и развлекала клиенток сплетнями и интересными рассказами. Благодаря этим ухищрениям Марьянина клиентура не сокращалась и чаевые давали шанс не умереть с голоду ей и тунеядке Лоре.

Сейчас Марьяна делала йодную ванночку жене крупного чина из Министерства финансов. Один только шелковый, привезенный из Парижа халатик Софьи Степановны стоил больше, чем полугодовой бюджет Марьяны и Лоры.

Марьяна промокнула пухлые белые руки Софьи полотенцем и начала массировать толстые пальцы-сосиски.

– Ах, Софья Степановна, ну вы прямо как Лариса Долина! Так похудели в последнее время! И как вам это удается? Особая диета?

– Да нет, Марьяша! – призналась Софья. – Я совсем не похудела.

– Не может быть! – воскликнула в изумленном неверии Марьяна. – А выглядите словно провели пятилетку на тренажере.

– Ах, Марьяша, неужели ты считаешь... – Софья Степановна посмотрела в зеркало. – Да, кажется, щеки немного... И правда!.. Ну надо же. А какие вообще новости в городе?

«В городе» – означало «в других домах, где делает маникюр Марьяна». Марьяне стоило огромного актерского мастерства подавать сплетни в таком виде, чтобы обрабатываемая дама верила: она всегда только слушательница и никогда – героиня сплетен, рассказываемых Марьяной другим клиенткам.

– У Дьячко сдох кокер.

– Какое несчастье!

– Представьте, Софья Степановна, шесть месяцев носились с ним, словно с малым ребенком, подтирали лужи, делали прививки, вызывали на дом парикмахера, кормили с ложечки, а он, бедняжка, проник в туалет, измочалил там пачку «Доместоса», нанюхался и помер.

Уже три дня траур, Оксана Васильевна никого не хочет видеть. Славненький был спаниельчик! Так прыгал ко мне на колени, когда я приходила!

– Вот еще несчастье! По собаке убиваться! – презрительно фыркнула Софья. – Я этого совсем не понимаю. Животное, оно и есть животное.

– Конечно, Софья Степановна, ну что там собака! Подумаешь! – ловко переориентировалась Марьяна.

– И что, она небось и черный костюм заказала?

– Кто? – не поняла Марьяна.

– Дьячко. Чтобы соблюсти траур по безвременно погибшей собачке?

– Да нет вроде.

– А то она вполне могла. Такая вся утонченная. Я помню, Вика Подопригора купила своей дочке персидского котенка. И с ним тоже что-то случилось. Вою было! Бог ты мой!

– Жена известного банкира?

– Да. Третья. Ты ее не знаешь.

– Ах, Софья Степановна, жену я не знаю, зато я знаю, что ее мужа собираются убить! – выпалила на одном дыхании Марьяна. И замолчала. Она совершенно не планировала рассказывать клиентке вчерашнюю историю с Лорой, но язык, как это бывает, сделал непроизвольное движение и сболтнул лишнее. Теперь Марьяна сидела под требовательным и любопытствующим

щим взглядом Софьи Степановны и лихорадочно соображала, что сказать. Софья Степановна ждала затаив дыхание.

– Ну, Марьяша! Говори же! Ты так меня заинтриговала!

– А может, и не собираются. Дело в том, что вчера мне позвонила одна моя подруга и рассказала, что другая ее знакомая встретила на Крещатике с каким-то парнем, ну и они отправились к ней домой. К этой знакомой.

Нагромождением мифических знакомых Марьяна попыталась перевести дело в категорию неправдоподобных историй а-ля испорченный телефон.

– Вот прямо так и отправились? Едва познакомившись?

– Д-да, – неуверенно подтвердила Марьяна. – Ну, я точно не знаю, мне ведь самой из четвертых рук поступила информация.

– Что за нравы!

– И не говорите! Только познакомились и сразу в постель! Какой разврат, правда, Софья Степановна? И эта знакомая видела у парня пистолет и фотографию Подопригоры. Вот!

– Он что, сам показал? – удивилась Софья.

– Нет.

– А как же?

– Ой, не знаю, – немного запуталась Марьяна. – Ну, вы понимаете, мне все это рассказала подруга, мы особо не заикливались, подумаешь, кто-то с кем-то переспал, меня вообще это не волнует...

– Как же это тебя не волнует, если речь идет о жизни человека? – строго спросила Софья. Марьяна уже проклинала свой длинный язык.

– Твоя знакомая должна была тут же сообщить об этом парне в правоохранительные органы.

– Это не моя знакомая, Софья Степановна, – убито прошептала Марьяна. – Я просто так вам рассказала. Я не знаю. Может быть, все было совсем иначе. Может быть, я что-то не поняла?

– А если не поняла, то и нечего распространять сплетни. Так, сколько я тебе сегодня должна?

Аудиенция заканчивалась в минорных тонах. Марьяна собрала орудия производства, спрятала полученные деньги и с многочисленными реверансами удалилась. Неизвестный киллер, сам того не подозревая, вторгся в ее нежные отношения с богатенькой Софьей Степановной и испортил всю картину.

Когда Марьяна ушла, Софья удовлетворенно осмотрела свои обновленные, перламутрово-сиреневые ногти и удобно разложила лишние и нелишние килограммы на диване перед телевизором. Она щелкнула кнопкой пульта и потянулась к блюдцу с куском миндального торта.

«Самой главной новостью на последний час остается убийство известного финансиста, банкира Василя Подопригоры», – говорил диктор информационно-аналитической программы «Киев».

Темно-серый лимузин неспешно и с достоинством плыл в потоке разномастных автомобилей. Начинку «мерседеса» составляли два человека – не последние люди в правительстве Украины. За рулем громоздился седовласый генерал-лейтенант из Министерства внутренних дел, он держал руль машины, словно хрупкий свежее испеченный рогалик, по-отечески бережно и ласково. По статусу и занимаемому положению ему, конечно, не полагалось самому вести «мере», но сейчас он был не на службе и мог самозабвенно предаваться любимому занятию, что и делал.

Рядом с генералом-автомобилеманом сидел крупный чиновник из Министерства финансов, настолько крупный, что одна закорючка в его факсимиле оценивалась дороже отличного участка земли на Флоридском полуострове.

Вероятно, мысли обоих мужчин были основательно чем-то заняты, так как пикиканье сотового телефона заставило их вздрогнуть.

– Мой, – сказал чиновник, раскладывая на ладони «сотку». – Алло?

– Пашуля, это я, – сладко заворковала трубка голосом жены. – Ты можешь говорить?

– Если недолго, – сухо предупредил Пашуля, уже не раз пострадавший от уникальной словоохотливости своей супруги Софьи Степановны. – Что-то случилось?

– Да. Вообрази, Пашуля, приходит ко мне сегодня маникюрша, ну ты знаешь, Марьяна, видел ее, не помнишь? Такая не очень симпатичная, тощая...

– И что? – Министерский чиновник пару раз видел Марьяну, и если бы его попросили рассортировать знакомых женщин по степени их привлекательности (в порядке убывания), то Марьяна заняла бы третье место, а Соня – сто пятнадцатое. – Прошу тебя, пожалуйста, короче. У меня сейчас начнется совещание.

– Да-да-да, Пашенька, я быстро. У этой Марьяны какая-то подруга, а у той еще одна, а у подруги подруги – какая-то знакомая, да, ты еще не запутался, котик, и, значит, эта дальняя подруга познакомилась с парнем и отправилась с ним куда-то заняться любовью. Проститутка, очевидно. Ну и, наверное, порылась в сумке. А в сумке нашла пистолет и фотографию Василя Подопригоры. И вместо того, чтобы бежать докладывать куда надо, час висела на телефоне, сообщала всему Киеву, как чудесно она провела время с киллером!

– Соня, все, все, у меня начинается совещание! – отрезал чиновник.

– А Подопригору-то вчера убили! Я только что смотрела по телевизору!

– В отличие от тебя, мне сообщили об этом в шесть утра, – вяло усмехнулся чиновник. – Все, отбой, мне некогда слушать байки про девиц, которым нравятся киллеры.

– Вернешься поздно? – успела крикнуть Соня.

– Как обычно. Пока.

Слышимость была такая отличная, что все Софьины вопли стали достоянием гласности. Генерал нахмурил брови. На минуту в салоне автомобиля повисла неприятная пауза.

– Я рассчитывал, ты поручишь дело профессионалу, – недовольным тоном сказал наконец военный.

Чиновник Паша молчал.

– Исполнителей убрать, – отрубил генерал. – Не выношу дилетантов.

– А что с девчонкой? – удрученно спросил чиновник. – С Марьяной? Ее тоже?

– Смысл?

Остаток дороги они провели в скорбном молчании и расстались в высшей степени недовольные друг другом.

Вадим удостоился звания дилетанта из-за того, что поставил сложную, многоуровневую операцию в зависимость от своей сиюминутной прихоти и фантастического бюста незнакомой девчонки с Крещатика. Но чутье и инстинкт самосохранения были у него звериные и вполне профессиональные.

За пару кварталов до условленного места Видим ощутил неприятный холодок вдоль спины. Будь он тигром (или скорее гиеной), шерсть на загривке встала бы сейчас дыбом.

А дублер ничего не чувствовал. Он беззаботно вел серую «восьмерку», улыбаясь и балагуря, пребывая в чудесном настроении из-за близости встречи с основной частью гонорара. Хотя в проведенной операции ему отвели роль дублера и основные телодвижения в смертельном танце под названием «Заказное убийство» исполнил Вадим, второму номеру полагалось неплохое вознаграждение.

– Заберем деньги. Куда тебя потом подбросить? – обернулся дублер к Вадиму.

– Пока не знаю. Рули, рули.

– Ты что нос повесил, а?

– Живот крутит. Тормозни возле аптеки, ладно?

– Слушай, опоздаем.

– Умру сейчас. Вон аптека.

Для убедительности Вадим согнулся пополам и уткнулся носом в колени.

– Слушай, что же делать? – заволновался дублер. – Может, тебе не аптека нужна, а общественный туалет? Так плохо, да? Нас ждут ровно в семь.

– Можешь не останавливаться, я уже труп.

– Не шути так. Что же делать, а? Ладно. Давай, корешок, вываливайся.

Вадим, зеленый от лицедейского перенапряжения, вышел у аптеки. Дублер критически посмотрел на сгорбленного товарища.

– Как тебя прихватило, а! Слушай, я проскочу? Разведая обстановку. Тут уже недалеко. Ладно?

– Давай, – с трудом прохрюкал Вадим. – Я тебя тут подожду.

Дублер с сомнением оглядел зеленый полутруп, очевидно не надеясь увидеть уже Вадима живым, хлопнул дверцей и отъехал.

Вадим подождал, пока машина завернула за угол, перешел на другую улицу и поймал частника. Неновый белый «фольксваген» за пятнадцать минут довез его до окраины города к уединенному кафе «Баркентина». С террасы хорошо просматривалась маленькая дубовая роща невдалеке.

Вадим, только что умиравший от приступа язвы, гастрита и рака желудка в комплексе, взял себе бутылку ледяного пива, четыре сосиски с кетчупом на одноразовой пластмассовой тарелке и занял столик под красным зонтом-мухомором. Через несколько минут он увидел, как серая «восьмерка» въехала в дубовую рощицу. За ней вскоре проследовал знакомый Вадиму по предыдущим контактам «опель» цвета синий металл.

Четвертая сосиска ушла с трудом. Вероятно, он все же немного волновался.

– Странное дело, – обернулась к нему старушка в бейсболке, веселенькой маечке и штанах из камуфляжной ткани. Она говорила с легким акцентом. – Вы видели, как взмыли птицы над тем леском?

– Каким леском? – удивился Вадим, приканчивая бутылку.

– Над той рощицей.

– А... Не видел. А что?

– Так резко. И беспокойно. Словно там что-то произошло.

– Что там может произойти, – равнодушно пожал плечами Вадим. – Хорошее пиво. – Он отодвинул пустую бутылку.

Военизированная старушка напряженно вглядывалась в даль.

– И все же там что-то произошло. Мне кажется, я слышала выстрелы.

Синий «опель» появился на дороге и двинул к городу, набирая скорость.

– Хотите проверить? – усмехнулся Вадим.

Старушка посмотрела на него строго и серьезно:

– Вы, молодой человек, очевидно, на глазок поставили диагноз: семьдесят пять лет. И не ошиблись. Но затем поставили второй: старческий маразм. И были совершенно не правы. Я ничего не хочу проверять.

– И это очень правильно, – кивнул Вадим. – Птицы, рощи, выстрелы... Какая нам разница?

Глава 4

Бублик сидел на краю большой двуспальной кровати и смотрел, как Маша собирает дорожную сумку «Адидас». Нельзя сказать, что сердце у него разрывалось на части в преддверии расставания, но некоторая меланхоличность озаряла зеленые, как и у хозяйки, глаза кота.

«Значит, сматывается, – думал Бублик. – А меня куда же? Куда меня-то пристроит?»

Маша, наверное, давно уже решила, куда пристроит своего питомца, потому что время от времени она отвлекалась от укладки вещей и с улыбкой смотрела на Бублика.

– Ты станешь моим маленьким народным мстителем, – произносила она загадочную фразу.

Маша и кот неплохо уживались вдвоем, хотя любовные молнии, посылаемые от сердца к сердцу в этом дуэте, были явно неравноценны. Маша Бублика, несомненно, любила, так как являлась для него мамой, ответственной стороной, ангелом-хранителем, лонжероном, главным казначеем, Государственной Думой. Бублик Машу терпел, как неизбежное зло, и предпочитал видеть ее в единственной роли – в роли держательницы говяжьей печени, восхитительной печени, порубленной крупными кусками и поджаренной с луком.

– Взять это платье, как ты думаешь? – Маша держала в руках какую-то крохотную тряпочку ярко-красного цвета. Похоже, она собиралась не в командировку, а на Всемирную неделю макарены. – А костюм брать?

Джинсы, конечно, возьму. А свитер? Какая вообще погода в этом дурацком Шлимовске?

Маша сняла с полки увесистый том энциклопедического словаря в темно-вишневой обложке и быстро нашла необходимую статью.

– Так-с, так-с, – мурлыкнула она, усаживаясь на кровать, прямо на серый лохматый хвост Бублика. Бублик недовольно фыркнул, и отодвинулся, и тоже заглянул в словарь. Читать он, конечно, не умел, но время от времени любил погрызть гранит науки – в буквальном смысле, оставляя на корешках книг следы острых зубов. – Что тут пишут умные люди? Основан как крепость более двух веков назад. Крепость! Ну, обалдеть, правда, Бублик? Население более миллиона. Промышленность – металлургия, трубопрокатный, тракторный, электролитный и цинковый заводы. Чем, интересно, они дышат в своем Шлимовске? Наверное, тем же, чем и мы в своей Москве, – гадостью. Химическая, пищевая, легкая промышленность. Девять вузов, семь театров. Угу, культурные какие. Бублик, когда я последний раз была в театре? Скотина Гилерман нагрузил работой под завязку, некогда даже повысить культурный уровень. Три картинные галереи. Вот в Шлимовске и повышу. А погода? Про климат ничего не сказано. Наверное, там сейчас такое же пекло. Брать пиджак или обойдусь бикини? Бублик, не молчи, когда к тебе обращаются.

Бублик уже в задумчивости взгромоздился на огромный том энциклопедии и, устремив взгляд сквозь Машу в окно, размышлял, куда все-таки пристроит его владелица. Командировки случались у Маши не очень часто, но каждая оставляла на сердце бульдозерную рытвину. Потому что Бублик оказывался в неприятной атмосфере чужой квартиры, элементарно непригодной для его жизни, и там ему часто приходилось поступаться принципами.

«К Альбине? Там младенец. Хуже не придумаешь. Опять будет тянуть за усы. У Стрижовых пес. Дог. Бр-р. – Бублик пошевелил правым ухом, которое стрижовский дог основательно усовершенствовал, проделав в нем пару дырок, хоть бриллиантовые серьги вставляй. – Ирина заставит жрать молочный суп. Идиотка! Мне – молочный суп! Как это пошло. Так, а больше никого и не остается. Куда же меня сбегать-то?»

Бублик совсем приуныл, и Маша это заметила. Но вместо того, чтобы тут же отправиться на кухню и быстренько пожарить печень, она – глупая все-таки женщина! – набросилась на кота с дурацкими поцелуйчиками. Бублик органически не переносил запах и следы губной

помады на морде. Он дернулся, ловко вывернулся и драпанул в коридор, оставив любвеобильную хозяйку в одиночестве.

В коридоре ему в голову пришла мысль, от которой с Бубликом едва не приключилась истерика. Он вспомнил, что есть еще один адрес, куда Мария Майская может пристроить на время командировки свою бубликообразную драгоценность, – соседка Ирма. О боже! Только не это. Только не это. Там Бублика ждет худшее, что может вообразить кошачий мозг... Бублик с ужасом, слезами и отчаяньем понял – да, именно Ирме и отдаст его хозяйка на время своих эротических танцев с шлимовским электоратом. «Маша, какая же ты стерва!» – скорбно подумал Бублик.

Билет на поезд Киев – Шлимовск Вадим купил в самый последний момент.

У него был запасной страховочный документ с роскошными хохляцкими усами на фотографии, которые в данный момент Вадим с некоторым усилием удерживал на своей физиономии. Усы невероятным образом меняли его внешность и делали практически неузнаваемым. Но кто знает, насколько велико желание недавних его работодателей прикончить беглого киллера. Вадим усмехнулся – вслед за научным прогрессом и движением человеческой мысли творчески развивается, модернизируется и акт заказного убийства: сначала на месте преступления оставляли только труп, потом стали бросать использованное оружие. Теперь считается хорошим тоном предоставить следствию и охладевшее тело наемного убийцы. Вот он лежит, в ста метрах левее. А дальше?

Поэтому Вадим старался не отвечивать и по незаметности сравняться с сигаретным бычком на асфальте. Его буденновские усы в этом плане даже мешали, но усов на вокзале было предостаточно.

Он купил в киоске газету. Фотография обаятельного и улыбчивого Подопригоры на первой полосе дополняла траурную статью, полную сожаления и горечи. На развороте талантливо и душевно описывался земной путь Подопригоры, борьба банкира за становление украинской гривны, его пылкие устремления. Вадим с ледяным равнодушием пропустил всю эту белиберду. Заслуги финансиста перед отечеством и его выдающиеся личные качества мало интересовали киллера. Василь Подопригора никогда не был для него живым. Вадим познакомился с ним заочно, по предоставленным фотографиям. Потом держал его лицо в мыслях, расстреливая мишени на тренировочной площадке, потом – в короткий момент прохода от лифта к двери квартиры – видел его профиль и спину. И все это время он не думал о жертве как о живом человеке, как о целой галактике мыслей, желаний, привычек, страстей, улыбок. Он думал о клиенте как о механической утке в тире – вот она движется, и задача-максимум – заставить ее навсегда остановиться. Что он и сделал. Правда, обещанного вознаграждения не получил. Заказчики что-то переиграли между собой, и, вместо круглой суммы, перед Вадимом теперь возникла необходимость оперативно рвать когти из Киева и искать убежища на просторах России.

А вот пламенное выступление генерал-лейтенанта из Министерства внутренних дел Вадим прочел с явным удовольствием. Генерал обещал поймать убийц в самые кратчайшие сроки. Если бы каждое обещание подобного рода заносилось на тетрадную страничку, подумал Вадим, то страницами уже можно было оклеить сортир. Сам Вадим никогда никому ничего не обещал наверняка.

В его купе вошла девица очень средних лет, длинная и сутулая, как знак интеграла, и лишенная рельефа, как зубочистка. Вадим невольно вспомнил Лору с Крещатика. Он вытянулся на своей полке, раскрыл толстую книжку карманного формата – детективный роман, которыми завалены все лотки, – со вздохом еще раз оглядел попутчицу и углубился в чтение. Поезд мягко тронулся в путь.

Глава 5

Знакомые всегда считали Игоря Шведова любимцем судьбы, везунчиком. По его собственному мнению, каждую улыбку фортуны он отработал на двести десять процентов своим самозабвенным и ажиотажным трудом.

Шведов начал трудиться как ненормальный уже в шестнадцать лет. Дрессировал кирпичи на стройке, готовил цементное суфле, вкалывал по-черному. В армии счастливо избежал прелестей внеуставных отношений, так как оказался очень полезным человеком. Начальство стремительно улучшало свои жилищные условия и для этого использовало главным образом строительные таланты Игоря. Штукатурил, белил, монтировал, устанавливал, проектировал, организовывал, руководил бесплатной солдатской силой. Особенно удалась дача подворовывающего комбата – из красного кирпича, с колоннами, пальмовидными капителями, люнетами, пилястрами и окнами-бойницами. Короче, наворотил. Командир бился в экстазе, вознаграждал двухдневным отпуском, но свое начальство возил для гулянок на другую дачу – попроще. Чтобы, не дай бог, не отдали под трибунал за несоответствие уровня материального потребления скромным майорским доходам.

В тридцать шесть лет у Игоря была своя строительная компания «Триумвират» в родном городе Шлимовске.

Весной этого года Игорь, не чуждый таким хорошим мужским качествам, как амбициозность и честолюбие, рискнул выставить свою персону на суд горожан – 27 июня в Шлимовске планировались очередные выборы главы города. Шведову давно стали тесны рамки частной строительной компании. Хотелось административного простора и власти. И недавно избирком объявил о начале агитационной свистопляски. Нужно было показать себя перед избирателями во всей красе, и каждый неиспользованный в рекламных целях день прибавлял шансов соперникам. Но в вопросах агитации и пропаганды Игорь разбирался гораздо хуже, чем в марках цемента, и поэтому при мыслях о предвыборной суете не испытывал того щемящего волнения, которое охватывало его обычно, например, при сдаче роскошного «новорусского» дома.

В кабинет вошла секретарша Элла Михайловна. Каждый раз, когда во время какой-нибудь встречи с нужными мужиками Шведов вдавливал кнопку селектора и просил Эллу Михайловну принести кофе, участники переговоров рефлексивно поворачивали головы в сторону двери, чтобы оценить внешность юной оруженоски, ее мини, ноги, мордашку. И появлялась Элла Михайловна. Центнер весу, ярко выраженный полтинник, очки с уймой диоптрий. Какая там мини-юбочка! Увидеть Эллу Михайловну в мини – на это не решился бы самый оголтелый мазохист. А коварный Шведов каждый раз с удовольствием наблюдал за реакцией коллег. Элла Михайловна работала с ним уже девять лет, и он не променял бы ее на дюжину длинноногих, глазастых фавориток.

– Через двадцать минут перезвонит Мамалыгин из департамента строительства, первая линия, – предупредила секретарша.

– Скажите ему, что я на объекте.

– Билеты для магнитогорцев заказала и машину тоже, завтра в семь вечера их отвезут в аэропорт.

– Проследите, Элла Михайловна, чтобы они все-таки сели в самолет. А то они ребята резвые. Зальют шары, как в прошлый раз, и пропустят рейс.

– В Германию сегодня позвонить нельзя.

– Мне надо.

– Но в связи с установкой новых АТС произошло какое-то замыкание на международной линии. Факс, естественно, тоже не проходит.

– Печально. Немцы никогда не понимали наших проблем. И сейчас не поймут, почему я не высылаю им, как обещал, проект договора.

– Ну, что поделаешь. Поноют немножко и заткнутся. Мы – выгодные партнеры. В час дня у вас обед с тестем. Олеся звонила, напоминала.

– А я где был, когда звонила жена?

– Вы говорили по второй линии с Федосовым.

– Ясно.

– После обеда – телевизионная съемка. Зачем вам, Игорь Палыч, вся эта суеда с выборами – не пойму. Вас и без мэрского звания в городе любят, ценят, уважают.

– Без комментариев.

– Телевизионная съемка. То есть после обеда вы на работе больше не появитесь. К сожалению. Хайбуллину поэтому назначила на завтра на десять утра. Раньше десяти он вял и мало-вразумителен.

– Он и после десяти что-то перестал мне нравиться.

– И о «круглом столе» на телевидении вы не забыли? Я тут подготовила для вас выборку – цифры, факты, как вы просили.

– Спасибо, я помню.

– Звонил Суздальцев, у него забастовала бригада отделочников. Оказывается, второй день демонстративно сидят, ничего не делают.

– Почему сообщил только сегодня?

– Надеялся повлиять на них. Сдача дома на Комсомольском проспекте под угрозой срыва. Осталось всего две недели.

– Здравсьте, приехали! Я вроде бы всем вовремя плачу зарплату.

– Да. Но они не могут, по их словам, больше переносить пиночетские замашки Суздальцева. Требуют его линчевать. А для себя – нежности и литературных выражений. Думаю, вы сами поговорите с ними завтра, потому что в бригаде одни женщины.

– Хорошо. Я с ними поговорю. Поговорить?

– Конечно, Игорь Палыч. На Суздальцева надо реагировать адекватно. Он, я думаю, и в пеленках матерился. Просто иначе не умеет разговаривать. А мужик в целом неплохой. Хороший.

– Вот вы, Элла Михайловна, езжайте и все это дамам-отделочницам объясните.

– Как оратор вы для них безмерно привлекательнее меня.

– Да? А если им понравится такое неформальное общение? А если дамы с других объектов тоже захотят видеть меня в роли утешителя? Что тогда? Буду с утра до вечера мотаться по стройкам и лить сопли на мешки с алебастром? Нет уж. Я плачу этим нежным девицам-красавицам хорошую зарплату. И премии. И вовремя плачу, ни разу не задержал. А если они этого не ценят – могу уволить. Если сегодня же работы не возобновятся – увольняю всех до одной. А на Комсомольский перекину бригаду с Каслинской, и они быстро все доделают.

– Может, хотя бы вразумите Суздальцева?

– Суздальцев – специалист, каких поискать. А когда не матерится, у него и производительность снижается. Не хотят трудиться – скатертью дорога. Тоже мне пюре «Неженка». Надеюсь, вы точно передадите женщинам мои пожелания и сегодня вечером обрадуете меня сообщением, что вторую половину дня они самоотверженно трудились, невзирая на словесные выкрутасы Суздальцева.

– Хорошо. Только знайте, я с вами в этом вопросе не согласна.

– Буду знать.

– На сегодня все, Игорь Палыч. Факсы в Москву, Саратов и Южный Валомей отправила.

– Спасибо, Элла Михайловна. Я поехал домой. А вы, надеюсь, еще немного тут повоюете.

До завтра!

– Всего хорошего.

Шведов еще раз бросил взгляд на свою замысловатую железнодорожную карту и встал из-за стола.

Олеся Шведова и Таня Птичкина дружили с первого класса школы. И все это время бушующее море материального неравенства пыталось утопить их в своей пучине.

Папа Олеси Шведовой (тогда еще Сувориной) был вторым секретарем обкома партии. Папа Тани Птичкиной (тогда тоже Птичкиной, потому что, выходя замуж, она решила сохранить свою милую фамилию) – инженером. Для Олеси получить на завтрак бутерброд с черной икрой было банальностью. Таня до семнадцати лет считала деликатесом шпроты – прежде чем они появились в повсеместной продаже. После восьмого класса Олеся перевели в другую, необычную для начала голодного девяносто первого года школу – с полированными партами, двумя иностранными языками, коврами и импортной видеотехникой. Олеся потащила за собой Таню, и для Таниной семьи это едва не обернулось финансовым крахом: целых два года инженер Птичкин выбивался из сил, оплачивая негласные взносы на охрану, паркет, сувениры, поездки. Жутким материальным потрясением стал выпускной бал – кроме чудовищной суммы, пожертвованной на дискотеку и праздничный обед, требовалось какое-то совершенно необыкновенное платье для юной выпускницы. Заказывали в ателье, потратив уйму семейных нервов на розыск и приобретение нужной ткани, фурнитуры, ниток с люрексом. За три дня до выпускного бала платье все еще не было готово. А Олеся ее фантастический бальный наряд доставили прямиком из Рима.

В восемнадцать лет Олеся встретила на швейцарском горнолыжном курорте с земляком Игорем Шведовым и плавно перекочевала из заботливых папиных рук под покровительство мужа, строительного магната. Таня полюбила Алексея, охранника автомобильной фирмы, с небольшой и не совсем стабильной зарплатой. Олеся жила в двухуровневой пятикомнатной квартире с кухней в двадцать один метр. Таня – в однокомнатной «хрущевке». Они вместе закончили художественно-графическое отделение Магнитогорского пединститута, и сразу после окончания Таня устроилась на работу в картинную галерею. Олеся после получения диплома стажировалась в Лондоне, в Королевской академии искусств, и никуда не устроилась. Танин оклад составлял триста пятьдесят рублей. Олеся могла истратить четыреста на понравившегося ей игрушечного слона в магазине.

На свой двадцать второй день рождения Таня получила от мужа Алексея букет роз и тефлоновую сковородку. Олеся мягко намекнула Игорю, что хочет джип.

Было непонятно, каким образом им все еще удастся оставаться подругами. Но Олеся и Таня на самом деле испытывали потребность в ежедневных встречах, советах и телефонной болтовне. В какой-то момент, в период подростковой неустойчивости, их дружбе едва не пришел конец. Но у Олеси умерла мама, и Таня, обнимая за плечи несчастную, мокрую от слез подружку, раз и навсегда уяснила: завидовать нельзя. У всех свои радости и свое горе. С того момента она в корне душила любой росток зависти, набрасывалась на него с саперной лопаткой и безжалостно выкорчевывала, напоминая себе, что и ее, Танина, жизнь, независимо от материальной несопоставимости с жизнью Олеси, полна счастья, веселья, любви.

Надо отдать должное Олеся: она искренне страдала, что единственная подруга не спит, в отличие от нее, на шелковых простынях. Нежная, романтическая, огражденная от реальной жизни усилиями отца и мужа, Олеся немного стыдилась своей буржуазской обеспеченности.

– Молодец, что пришла! – сказала она Тане, открывая дверь. – На улице жарко?

– Довольно жарко. Привет!

Несмотря на близость обеденного времени, Олеся все еще была одета в легкомысленный утренний халатик. На локте у нее висел шестимесячный карапуз рекламной наружности – упи-

танный, бело-розовый, с круглыми голубыми глазами и светлым пушком на голове. Тонкой, хрупкой Олеся было явно нелегко его держать.

– Сейчас я руки помою и возьму Валерку, – сказала Таня, бросая в угол свою сумку и направляясь в ванную.

– Хоть совсем заberi! – крикнула вдогонку Олеся. – Уже достал маму. Достал, достал, достал! – повторила она, взяв ребенка под мышки и с трудом поднимая его вверх. Младенец радостно улыбался, демонстрируя два крошечных белых зуба – все, что у него было в наличии.

Они устроились на огромной кровати в спальне, подсунув Валерке погремушки.

– Сегодня у нас званый обед. Папа придет и Игорь. Никитишна уже накрывает стол.

– О, я тогда ни к селу ни к городу приперлась! – заволновалась Таня.

– Почему? – удивилась Олеся. – Пообедаешь с нами. Никитишна наготовила! Слушай, я после родов ем и ем, ем и ем.

– С ребенком устаешь.

– Да я с ним не устаю. – Когда же у меня такой будет? – мечтательно посмотрела на Валерку Таня, поймала его за ногу и подтянула к себе. Ребенок удивленно проехал на пузе полкровати и принялся увлеченно, с хрипотцой, хохотать в ответ на Танины заигрывания. – Какой хохотун. Лялька-хохотушка.

– Будет, не переживай, – компетентно заверила Олеся. – Вы когда с Алешей поженились? И двух лет не прошло. Успеете соорудить. У нас с Игорем тоже долго не было. Конечно! С его дикой занятостью и усталостью. Сексом занимаемся реже, чем ездим за границу. Еще придумал себе новую игрушку – выборы. Здорово, правда? Папа – мэр, муж – кандидат в мэры. Не слишком ли много для меня одной?

– У нас с сексом все в порядке. Регулярно и напряженно. Я думаю, я все никак не залетаю, потому что... Ну, ты знаешь, чем я занималась четыре года.

– Да, наверное. Зря ты, Таня, конечно, этим занималась.

– Знаешь, Олеська, надо тебе было все-таки за Диму выходить. Игорь тебя старше на четырнадцать лет. Почти другое поколение. А Дима – всего на два года. Он бы и на высокие посты не замахивался, и тебе бы устроил круглосуточный сексодром.

Дима Павлов был влюблен в Олеся еще со школы. Но четыре года назад, ввязавшись в соревнование с Игорем Шведовым, он все же проиграл спринтерскую гонку, и сердце Олеся досталось противнику. Потому что при прочих равных условиях – симпатичной внешности, остроумии, разнообразных талантах, отличных математических способностях – Дима Павлов был двадцатилетним свежим дембелем, без кола и двора и средств к существованию, а Игорь Шведов – крутым бизнесменом.

– Про Диму мне и не говори, – отрезала Олеся.

– Потому что ты к нему все же неравнодушна.

– Неравнодушна только потому, что он феноменально предан мне, а это всегда льстит женщине. А так у меня прекрасный муж и очаровательный ребенок. О каком Диме мечтать?

– Тоже верно, – кивнула Таня, но все-таки вспомнила темные глаза Димы и задумалась. Когда-то и она мечтала об этом красавчике из десятого «Б» класса. А он всегда любил Олеся.

– О, приехали! – объявила Олеся, подхватывая ребенка, подсакивая к окну и выглядывая вниз. Под окнами дома остановилась новая белая «Волга» ее отца, мэра Шлимовска Валерия Александровича Суворина. Следом мягко подкатил скромный «опель» Игоря.

Мужчины вышли из машин и обменялись рукопожатиями. Потом одновременно посмотрели вверх. Олеся радостно помахала им Валеркиной ручкой, малыш поцеловался с оконным стеклом, оставив на нем мокрую кляксу.

Никитишна, шведовская домработница, повар, нянька, расстаралась. Она была совершенно без ума от импозантного Валерия Александровича, его рокошущего баса и вольных

манер, и с самого утра самозабвенно копошилась на кухне, гремя томагавками и прочими орудиями убийства. Она даже доверила неприспособленной к труду Олеся покормить морковным пюре младенца, в результате чего добавила себе работы на будущее (безрукая мамаша спустила часть оранжевой морковки на диван и светло-фиолетовый ковер).

В центре стола высилась цветочная композиция из белых и желтых роз. Малыш сидел на руках у деда и сосредоточенно цеплял пухлыми ручками все, что не успевали убрать, – сервизную тарелку, блестящий нож, салфетку.

– Здравствуй, Татьяна! – поприветствовал глава Шлимовска Таню. Она смущенно улыбнулась. С Игорем Шведовым она давно была на «ты», но мэра больше видела по телевизору, чем дома у подруги. – Как дела, как жизнь?

– Папа, как хорошо, что ты смог приехать на обед, – сказала Олеся.

– Все нормально, – ответила Таня.

– И молодец! Начнем, ребята? – предложил Суворин. В свои шестьдесят он был не совсем седым, очень энергичным, очень веселым. В городе его называли Господином Ого-го. – Никитишна, давай с нами, молодежью.

Никитишна сбросила на стол супницу, как ядерную бомбу, и замахала руками:

– Ой, да куда ж я!

– Давай с нами садись, я сказал!

– А подавать кто будет?

– Вон девчонки помогут.

Никитишна, подхохатывая от приятного смущения, все же легко, несмотря на солидный вес, упорхнула на кухню.

– Папа, давай я унесу Валерку на балкон. Ему спать пора.

– Сиди, я сам, – подскочил Игорь, опережая Олесю. – Иди сюда, толстяк! – сказал он, принимая теплого, полусонного детеныша из рук тестя.

Через пару минут Игорь вернулся:

– Уже дрыхнет. Мы как, по одной выпьем?

– По одной можно, – согласился мэр. – И не по одной тоже можно. Но не более. У меня еще работы до часу ночи, не меньше.

– Папа, ты так надрываешься! – укоризненно сказала Олеся. – А я вашу гадкую водку пить не хочу. Мы с Таней будем вино.

– Таня, за кого будешь голосовать, за меня или за Игоря? – спросил Суворин.

Татьяна замерла с полным ртом бульона, не зная, куда деваться самой и куда девать суп.

– За вас, Валерий Александрович, – наконец-то с трудом проболкала она.

– Предательница, – улыбнулся Игорь.

– Я тоже за папу, – сказала Олеся. – Он прекрасно делает свое муниципальное дело, а ты, мой ангел, свое строительное.

– И ты предательница, – кивнул Шведов жене. – Я-то надеялся, что хотя бы молодые избирательницы будут на моей стороне.

– А почему не на моей? – искренне удивился Суворин. – Я что, рожей не вышел? Я мужик ого-го!

Все засмеялись.

Через сорок минут с деликатесами Никитишны было покончено.

– Ну, накормила, мать, ну, мастерица! – говорил Суворин, приятельски хлопая кастрюльную труженицу по спине. Никитишна нежно наливалась краской, словно юная барышня. – Сейчас бы завалиться на диванчик! Помечтать. Посопеть в две дырки. Правда, девчата? Но надо, надо, надо трудиться. Мужик должен все время трудиться. Зарабатывать себе уважение и почет. – Мэр, натренированный выступать перед большой аудиторией, не мог удержаться от привычного назидательного тона и в кругу семьи. – Я, Олеся, почему не задумываясь отдал

тебя за Игоря? Потому что я знаю, этот парень – трудяга. С ним ты не пропадешь. А ты, милая, полежи, отдохни. У тебя какие-то пятна над глазами.

– Папа, это же тени! – объяснила Олеся.

– Я и говорю, тени. Надо побольше отдыхать. Ты еще не восстановилась после родов, зайка. Никитишна! Чтобы Леся с ребенком не надрывалась!

Никитишна, которая была в три раза старше Олеси и пахала раз в двадцать больше, озбоченно закивала.

Олеся и внук, названный в его честь, являлись для Суворина бесценным сокровищем, единственным, что у него было на земле, кроме любимой работы и нескольких друзей.

Напоследок он прошел на балкон – угловой, квадратный, с бордюром из зелени и цветов по периметру – и посмотрел на спящего ребенка.

После обеда Таня снова сделала попытку исчезнуть, но Олеся ее остановила:

– Ты что, не хочешь посмотреть на Нику Сереброву? Она сейчас приедет!

– Ника Сереброва? К вам? – удивилась Татьяна.

– К нам! Передачу снимать про Игоря. Со всеми кандидатами делают такое милое семейное кино типа «Героя дня без галстука», смотришь по НТВ?

– Да.

– Вот. Сейчас она приедет. Наверное, с оператором, со всякой техникой. Снимать нечто подобное для местного телевидения. Оставайся, посмотришь.

Звучало заманчиво. Тане очень хотелось живьем увидеть местную телезвезду, журналистку государственного телеканала красотку Нику Сереброву. Она осталась.

– Получается, весь день у тебя просижу.

– Танюша-хрюша, ты же в отпуске, – напомнила Олеся. – Если честно, я надеялась тебя поэксплуатировать. Из-за этих съемок Валерка останется без его обычной прогулки.

– Так я с удовольствием! – обрадовалась Таня.

– Хотя бы во дворе покатаешь часок? Или два. Пока не надоест.

– Конечно, – закивала подруга. Тане нравилось гулять с Валеркой, так как прохожие часто восхищались карапузом, а ее принимали за маму.

Глава 6

Чувство меры, тактичность, отличная дикция и нормальное владение русским языком выделяли Нику Сереброву из вязкой серой массы телеведущих, которые в великом множестве обитали на бесчисленных каналах шлимовского ТВ. Она не лезла без надобности грудью в кадр, не обрывала собеседников на полуслове, чтобы продемонстрировать свою эрудицию, не занималась самолюбованием – то есть подавала себя зрителям в удобоваримых дозах, не вызывая раздражения, как другие местные мастера экрана. К тому же была просто красивой женщиной. Служба социологических опросов Фелька, бесперебойно снабжавшая город рейтингами всего, что шевелится и умеет разговаривать, ставила программы Ники Серебровой на первые места в ряду телевизионных шедевров шлимовских журналистов.

Когда она появилась на пороге квартиры, сопровождаемая ассистенткой и видеооператором, Олеся, Таня и Никитишна выстроились в ряд в холле встретить популярную гостью. Игорь тоже нацепил одну из своих самых лучезарных улыбок и поцеловал Никину ручку.

– А мы все ваши передачи смотрим, особенно «Час мэра», – сразу сообщила Олеся. – Пожалуйста, проходите. Будете что-нибудь? На улице такое пекло.

– Спасибо, – кивнула Ника. – Вы Олеся.

– Да. Это моя подруга Таня.

– А где ваш малыш? Надеюсь, он собирается сниматься?

– Я думаю, он собирается поспать еще минут двадцать, а потом устроить хорошенький скандал.

– Чудесно. Если вы не возражаете, мы бы посмотрели квартиру, чтобы выбрать место съемки.

– Конечно, конечно! – подскочил Игорь. – Идемте! – Визитеры и хозяин дома отправились в путь.

– Шикарная? – тихо спросила Татьяна Олеся. – Шикарная. Как Эмпайр-Стейт-Билдинг.

– Как Лиз Тэйлор в «Клеопатре».

– Как джип «шевроле».

– Как прыжок гепарда.

– Как три килограмма икры.

– Как голос Доминго.

– Как метафора Рансэцу.

– Как «Аппассионата».

– Как норковое манто.

– Как... как... ресницы Киркорова!

– Фи, Олеська, ты проиграла. Ресницы Киркорова! Скажешь тоже.

– Ладно, сдаюсь.

– А на экране всех этих морщинок у нее не видно, правда?

– Угу. Ей сорок один.

– Да ты что! – ужаснулась Таня.

– Угу. По телевизору выглядит на тридцать три, мне кажется.

– Интересно, какими мы с тобой будем в сорок? Полуразрушенными инвалидками.

– Думаю, нам никогда не будет сорок. Всегда будет двадцать два.

– Ну-ну, надейся.

– Приятная и милая. Не наглая, как другие ведущие. Какую комнату выберет?

– У вас везде красиво. Да они, наверное, по всем комнатам пробегутся с видеокамерой.

– Игорь мне сказал, не надо бить избирателя по голове своим благосостоянием. Чтобы не нервировать.

– А тебя будут снимать?

– Конечно. Если Валерку будут, значит, и меня тоже. В качестве фона. Как же без жены?

– Да, здорово.

Появилась ассистентка Оля, примерно того же возраста, что и девочки.

– Мы маленького посмотрели, – сказала она, взмахивая руками, – такой котенок! Спит, соска набок, как сигарета. Ковбой. Олесья, а можно пройти в туалет? Нахлесталась пепси-колы, такая жара, теперь мучаюсь.

– Конечно, вон там. А что у вас в телестудии, парикмахер, визажист, да? Нике укладку кто-то делает? Выглядит обалденно. А костюмы? У нее всегда такие костюмчики классные, – спросила Олесья.

– Парикмахер у нас так себе. А стилиста вообще нет. Костюмы – да, их поставляет в рекламных целях салон «Паллада», знаете? Девчонки, ну я в туалет нырну, ладно?

Оля исчезла из поля зрения. С балкона раздался сердитый рев. Олесья вскинулась, как дрессированная львица на манеже, и помчалась успокаивать ребенка.

Деньги на съемку рекламно-ознакомительных передач с кандидатами на пост мэра выделил избирком. Игорь Шведов был последним участником цикла. Остальные претенденты уже показали себя в полной красе, мягко направляемые деликатными вопросами Ники, рассказали в неформальной обстановке о своем житье-бытье, поведали об увлечениях и хобби, продемонстрировали жен и собак. Яростную агитацию и заунывное перечисление пунктов своих предвыборных программ квазимэры оставили за кадром, а в кадре проявили себя в качестве задушевных собеседников, примерных мужей и отцов, отличных рыболовов, спортсменов и прочее. Даже свирепый полковник Кукишев, иначе как Кукишем в городе и не называемый, предводитель местного отделения «Союза русских патриотов», политический экстремист, ярый сионист и – одновременно – избирательный русофоб, короче, мизантроп и матерщинник, и тот вел себя пристойно. Вывез съемочную группу на дачу, где виртуозно жарил цыплят на вертеле и, лишенный военного мундира и пены у рта, был вполне мил и вежлив.

А что тогда говорить про молодого, умного, энергичного, в общем свехположительного Игоря Шведова? Передача с ним могла стать украшением цикла.

Жена Игоря Олесья поразила Нику своей юностью. К готовой коллекции кандидатских жен Ника ожидала добавить полновесную даму лет двадцати пяти – тридцати, а напоролась на взъерошенного воробья с огромными глазами и большим ртом. Тонкая, стройная, с короткой растрепанной стрижкой Олесья выглядела лет на шестнадцать-семнадцать и заставила Нику мысленно ужаснуться своему возрасту. Она смотрела на шведовскую девочку-жену и чувствовала, как за спиной выстроились в ряд все ее годы и укоризненно буравят взглядом позвоночник. «Женщина всегда виновата в том, что не родилась лет на десять позже, – уныло подумала Ника. – В следующем году будет сорок два. От этого никуда не деться. Это так же необратимо, как последняя стадия туберкулеза».

Съемки прошли на редкость непринужденно и весело. Шведов не уставал острить и подбрасывал комплименты, глупышка Олесья смотрела на телевизионную знаменитость восторженно и затаив дыхание, не подозревая, что Ника сама втайне завидует ей. Закономерным был бы в таком случае звонок видеооператора Сергея Будника с паническим сообщением, что их пленку испортили в монтажной. Такое иногда случается. Но обошлось. По мнению Ники Серебровой, интервью с кандидатом Игорем Шведовым оказалось самым удачным и интересным.

Глава 7

– Что, сокол залетный, проблемы у тебя?

Платон держал на вилке крупную маслину, черную, как нефть, и через стол смотрел на Вадима. Стол, сервированный на веранде роскошного кирпичного дворца, потрясал великолепием средневековых оргий. Груды жареного мяса, развороченные безжалостным ножом пироги с вывалившейся сочной начинкой, туманно-серый язык под заливной бульонной глаздью, капустный салат с рубиновыми каплями ледяной клюквы, помидоры, словно красные бильярдные шары, глянцевые синие сливы... С веранды открывался чудесный вид на уединенное лесное озеро, тихое и неподвижное в данный момент. Вадим развалился в плетеном кресле и, не притрагиваясь к еде, смотрел на Платона с затаенным интересом. Тот непрерывно подкладывал себе с многочисленных блюд куски пищи, подливал водки из графинчика, беззастенчиво хрустел кольцами едкого лука. «Когда ж ты нажрешься?» – думал Вадим.

– А какие у меня проблемы? Никаких.

– А что ж тогда в родной Шлимовск пожаловал? Не иначе как отсидеться.

– Ну, возможно. Просто отдохнуть. И ностальгия, понимаешь.

– Ностальгия, – усмехнулся Платон. Тыкнул, кхекнул и потянулся за очередным лангетом.

– Как вообще дела в Шлимовске? – поинтересовался Вадим. – Дела нормально. Вот, в выборах мэра буду участвовать. В роли тайной пружины, хе-хе. Кстати, не хочешь потрудиться? Пока будешь утолять тоску по малой родине?

– И что надо сделать?

– Да ерунду. И заплатят хорошо. Нужно кое-кому нервишки помотать.

– Каким образом?

– Украсть бабу с дитем.

– Это не мой профиль.

– А мой, что ли? Дадут десять тысяч. Купаться будешь в зелени, – насмешливо улыбнулся Платон.

– В десяти тысячах не больно-то искупаешься. И что, только украсть?

– Смеешься. Конечно, не только. Но сначала недельки две подержать взаперти. Как раз для тебя, ты же в бегах. Вот и посидишь в подполье. Покараулишь.

– Нет, не хочу.

– А я хочу? Надо услугу оказать полезным людям. Женщина с ребенком отличный инструмент воздействия.

– Говорю, не мой профиль.

– Конечно, тебе банкиров подавай. Ладно, Вадим, не выпендривайся.

Вадим задумался. С Платоном ему ссориться не хотелось – слишком влиятельная личность. Провести две недели в обществе нервной мамы с ребенком – хотелось еще меньше.

– Соглашайся, – подтолкнул мячик для гольфа Платон. Мячик медленно преодолел несколько метров нерешительности Вадима и упал в заготовленную лунку, поставив точку в его размышлениях. Десять тысяч долларов за несерьезную работу плюс две недели уединения, которое ему сейчас очень кстати, плюс расположение Платона – наверное, придется согласиться.

– Вот и славно, – понял Платон. – Я знал, что ты не откажешь. Зачем нам ссориться, правда, Вадик?

– Машину даешь?

– Все дам. И ключи от квартиры. Там все приготовлено. Жратва, хаггисы-маггисы.

– Какие хаггисы? – не понял Вадим.

- Ну, памперсы.
- Ребенок что, маленький?
- Угу.
- Час от часу не легче.
- Тебе-то какая разница?
- Что за баба?

– Да девчонка. Соплей перешибешь. Каждый день после обеда гуляет со своим детенышем в городском парке. Маршрут один и тот же. Выбирает, где поменьше людей. Знаешь, дубовая аллея параллельно берегу водохранилища, начинается у кафе «Чио-Чио-сан»? Вот там – она курсирует битых три часа ежедневно. Там ее и возмешь.

– Когда?

– Да хотя бы послезавтра. А завтра езжай в парк, посмотри на нее.

– А фотографию?

– Да зачем тут фотография? Нет у меня. Девчонка тощая, симпатичная, короткие светлорусые волосы, голубые глаза. Очень симпатичная, тебе понравится, хе-хе. Коляска ярко-синяя с желтыми мишками и автомобилями.

– Мишки, автомобили, – хмыкнул Вадим. – Тоже мне ориентировка.

Платон приподнялся в кресле, оглядел сверху на четверть опустошенный стол и нацелился вилкой на жареный шампиньон.

Вадим вздохнул, пододвинул к себе тарелку и в расстроенных чувствах тоже принялся за еду.

Маша покупала авиабилет в прохладных кассах. Ей предложили на выбор три авиакомпании, и Маша вспомнила, как лет восемь – десять назад, когда она летала к бабушке в Омск, каждая покупка билета на самолет превращалась в битву при Дарданеллах. Надо было прийти до открытия авиаагентства, вломиться с возбужденной толпой внутрь, занять очередь, желательно в несколько окошечек, и с нетерпением ждать ответа царственно-неприступной дамы за перегородкой.

Времена изменились. У девушки-кассирши вид был очень привлекательный и заинтересованный, она прямо-таки сторала от тайного желания продать Маше как можно больше авиабилетов во все точки земного шара. Она терпеливо ждала, когда Маша на что-нибудь решится.

– Рекомендую «Трансаэро», – прозвучал за Машиной спиной приятный мужской баритон. Маша обернулась и смахнула бюстом рекламные буклеты с кассовой стойки. Разноцветные листочки вспорхнули и сыпались на пол.

Прекрасная командированная, живописная, как норвежский фьорд, но отнюдь не такая холодная, в короткой юбке и лайкровой мини-кофточке, нагнулась за бумажками и сразу вызвала небольшое столпотворение из потрясенных этим зрелищем лиц. Элегантный незнакомец явно оценил разрушительные способности Маши.

– Рекомендую «Трансаэро», – повторил он, улыбаясь. – Вы всегда такая опасная?

– Только в критические дни, – скромно сказала Маша.

– Знаете, фантастическое совпадение. Я тоже лечу в Шлимовск.

– Правда? – удивилась Маша.

– И тоже во вторник.

– Я балдею, – призналась Маша. – Как это сильно! И, учитывая, что вы практически выступили в роли рекламного агента компании «Трансаэро», возможно, мы полетим в одном самолете?

– Возможно. На всякий случай сообщу, что меня зовут Леонид. А вас?

– Мария.

Маша забрала свой билет и одарила коммуникабельного Леонида ослепительной улыбкой, которая, впрочем, моментально погасла, едва она повернулась к новому знакомому спиной.

«Как вас всегда много, – думала она, направляясь домой. – На улицах, в кассах, в подъездах, в автобусах, на пляжах. Почему все хотят со мной познакомиться?»

Маша по долгу службы, как профессиональный журналист, была, конечно, максимально открыта для контактов. Но предпочитала, чтобы инициатива исходила от нее.

– Ника Львовна, я принесла вам подноготную.

Ассистентка Ольга Щеткина, премиленькая Барби с пышной гривой обесцвеченных волос и капризными губками, заглянула в кабинет, где Ника и оператор Сергей Будник обсуждали детали съемки в квартире Шведова, и положила на стол бумаги.

– И что там интересного, Оленька?

– Так. Появились новые сведения. Хотя они, конечно, давно известны, я думаю. Шведов получил три кредита из внебюджетных фондов – мэр Суворин помог зятю. Можно спросить, как он их использовал. Кукиш, то есть полковник Кукишев, на прошлой неделе ездил в Москву, учинил со своей свитой погром на каком-то митинге и загремел в каталажку. Какой позор! И этот человек баллотируется в мэры! Дальше. Домик Ивана Елесенко в укромном местечке городского парка по визуальной оценке эксперта стоит не менее семидесяти – ста тысяч долларов. А если оценивать не визуально? Так, дальше. Служба социологических опросов Фелька, так... Нет, а, вот. У Николая Самарского судимость.

– У него судимость? – воскликнула Ника. – Как? Я не знала!

– Да, Ника Львовна, судимость. Кандидат-то с душком.

– Оля, что за выражения! – почему-то рассердилась Ника.

– На заре молодости отсидел четыре года за махинации с валютой.

– А... Ну, сейчас на каждом углу обменные пункты занимаются тем же, за что он пострадал.

– Но тогда, Ника Львовна, в те далекие времена, сделки с валютой были незаконны. И Самарский прекрасно это знал.

– Ладно. Думаю, не обязательно заикливаться на этом печальном факте.

– Вам виднее, Ника Львовна. А, чуть не забыла. Фельк-то, несмотря на наши просьбы, смылся все-таки в Москву, и, если он послезавтра не вернется, «круглый стол» с претендентами горит синим пламенем. Что, будем записывать без Фелька?

– Нет. Я думаю, он успеет.

– Уже два раза откладывали. Как трудно собрать их всех вместе, да? Все для них, студия, декорации, прайм-тайм, и все коту под хвост.

– Прайм-тайм, Оленька, на центральном телевидении. А у нас – просто «хорошее время».

– Ну хорошее время.

– Ника Львовна, я пойду? – спросил оператор Сергей, поднимаясь со стула. – Кстати, я ведь починил ваш магнитофон, – вспомнил он. – Вечером завезу?

– О, спасибо тебе, Сережа!

Ника три раза подряд чинила по гарантии свой видеомагнитофон, и все три раза неисправность вновь проявлялась через день после возвращения из сервис-центра. В сервис-центре на Нику смотрели невинными, честными глазами.

– Тогда я на сегодня свободен?

– Да, иди. Огромное спасибо!

Сергей посмотрел, удобно ли лежит в сейфе его драгоценная профессиональная видеокамера, аккуратно закрыл дверцу. Проходя мимо Ольги, он незаметно шлепнул ее чуть ниже

поясницы. Хорошенькая блондинка отреагировала бурно. Она развернулась и врезала Сергею по спине журналом учета видеокассет.

– Оля! – возмутилась Ника. – Ты оставишь меня без оператора!

– А вы видели, как он со мной обращается? Я что, какая-нибудь девка? – обиженно спросила Оля.

– У, злючка! – сказал Сергей и скрылся за дверью.

– Он явно к тебе равнодушен, Оля!

– Ах, Ника Львовна, а вот если бы вы позволяли всем, кто к вам равнодушен, щипать вас за... За интересные места. Что бы с вами было?

– Действительно, – согласилась Ника. – Ты права. Но все же не будь такой реактивной.

– Ладно... Ника Львовна, а я вас вчера видела!

– Да?

– С таким мужчиной!

– С каким? – явно обеспокоилась Ника. – Что, Ольга? Откуда такой игривый тон?

– С шикарным мужчиной, – продолжала интриговать барбобразная девица, наблюдая за волнением руководительницы.

– Ах, ну ты ведь знаешь, по долгу службы с кем только не приходится встречаться!

– Нет, Ника Львовна, у вас был совсем нерабочий вид. Вы знаете, знаете, о ком я говорю!

Шлимовская звезда экрана перебирала бумаги на столе чуть более нервно, чем следовало бы, – подковырки Оленьки были вполне безобидны. Но Ника откровенно психовала.

– И о ком ты говоришь? – напряженно посмотрела она на ассистентку.

– Да о господине Герасимове же! Ах, какой мужчина, Ника Львовна. А молоденьких он не любит?

Ника свободно вздохнула и расслабилась в кресле. Герасимов! Директор хлебокомбината и участник одной из следующих передач. Ника была настолько рада, что истинный герой ее дум, хранитель ее сердца, ее таинственный возлюбленный, счастливо избежал нескромного взора вездесущей Оленьки, что она не отреагировала на умышленную или неумышленную бестактность подчиненной.

– Могу тебя ему представить. Раз ты такого высокого мнения о его неотразимости. Когда приедет в студию для записи передачи.

– Ну что вы, Ника Львовна, на меня, какую-то ассистентку, он и не посмотрит, – уничтожительно сказала Оля, пытаясь сгладить неловкость своей предыдущей фразы. – Только вы их всех и интересуете. Мужчин.

«Мужчин», – повторила про себя Ника. Множественное число. А ей хотелось бы интервьюировать всего лишь одного-единственного мужчину.

Платон пожаловал с барского плеча простенькую «ауди». Вадим заехал на квартиру, убедился, что она и в самом деле завалена молочной смесью и «хаггисами-маггисами», потом проскочил в городской парк и пятнадцать минут издали наблюдал за девичьей фигуркой, двигавшей взад-вперед синюю коляску...

...Ряды колясок в «Детском мире» казались бескончаемыми. Вадим высматривал ту, что была у его новой жертвы.

– Вам помочь? Хотите выбрать? – подпрыгнула к Вадиму маленькая шустрая девица.

– Хочу.

– Зимнюю, летнюю, универсальную? Колясок у нас море! Всех стран и континентов. Итальянские, польские, из Эмиратов, китайские. Китайскую не советую. Такая мерзость. Но самая дешевая. У вас кто? Мальчик или девочка? Какой возраст? Уже умеет сидеть? – тараторила девушка, забегающая перед Вадимом и заглядывая ему в глаза. – Мальчик или девочка? – настойчиво твердила продавщица.

– Не знаю, – отмахнулся Вадим. – Какая разница.

– А... Еще не родился! – поняла девушка. – Ждете! А ультразвук? Что же, не видно? Ой, да вы самую дорогую выбрали! Я сейчас вам ее покажу.

Девушка с энтузиазмом набросилась на выбранную Вадимом коляску практически даже и одного цвета с той, увиденной в городском парке, только не с желтыми мишками и автомобилями, а с цветами и куклами.

– Вот, смотрите. Высокая, но не тяжелая. Колеса большие. Амортизация, видите, как плавно качается? Ручка перекидывается, можно сюда, а можно сюда. Защелка. Так, да? Корзина съемная, с ремнями для страховки, дите будете пристегивать, чтобы не выпало. Ну, это когда сидеть научится. Тут кармашек для бутылочки. Если корзину снять, там еще сиденье со спинкой получается. А можно вообще сложить – и в багажник. Себе бы купила, такая прелесть!

– Вы вряд ли поместитесь, – невежливо заметил Вадим. Он взял корзину за тряпичные ручки и рывком дернул. Немного не рассчитал силу – потому что едва не снес своей корзиной коляски, стоявшие у него за спиной.

Продавщица остолбенела.

– Да что же вы так дергаете?! – возмутилась она. – А если поломаете? Я платить буду три тысячи? Выбрали хотя бы китайскую за семьсот пятьдесят.

Вадим молча поставил корзину на место.

– Спасибо. Я, наверное, куплю. Позже. Сначала посмотрю в других магазинах.

– А дешевле не найдете! Эти, итальянские, везде столько стоят. А вот польская, в два раза дешевле. Будете смотреть?

– Нет, спасибо.

Вадим направился к выходу.

Продавщица вернулась к прилавку.

– Ты видела? Как он с коляской под потолком летал? – спросила она у другой девушки. – Ненормальный!

– А все папаши такие, – ответила подруга. – У них совсем башню срывает в преддверии родов.

Глава 8

Надо сказать, что за дело подобного рода – похищение женщины с ребенком – Вадим брался впервые. Однако его рука на руле «ауди» лежала спокойно и твердо, а сердце в груди (если оно там вообще было) билось в привычном ритме.

Вадим насвистывал беспечную мелодию, ловко маневрировал, обгоняя другие машины, и думал вовсе не о предстоящей операции, а о том, как изменился родной Шлимовск. «Ну не Урал, а Европа, вот дела», – думал он, оглядывая новые красивые здания и фешенебельные магазинчики, возникшие на знакомых улицах за его долгое отсутствие, хотя никогда не был в Европе и не представлял, как она выглядит.

Девчонка, на светофоре продефилировавшая в сантиметре от капота «ауди», вернула его мысли наконец-то к цели данной поездки. Платон сказал, что девица симпатичная. Короткие светло-русые волосы и голубые глаза. Лица он вчера в парке не разглядел, но то, что фигура у нее отличная, и совсем не тощая, а в самый раз, убедился. И даже имеется некоторая заявка на приличный бюст... Посмотрим.

Вадим сбросил скорость. Там, где он собирался нырнуть в лесную чащу огромного городского парка, красовался новенький знак – «кирпич». Вадим развернул машину и на второй передаче неспешно поколесил вдоль кромки леса, высматривая, куда сворачивают коллеги-автомобилисты и нет ли поблизости засады настырных гаишников.

Олеся догадывалась, что так, как она, живут немногие, но она настолько привыкла к окружающей ее роскоши и любви, что не представляла для себя иной жизни.

Она лежала на покрывале из стеганого шелка, прохладном и приятном, спускавшемся с кровати прямо на янтарно-желтый паркет, читала развлекательный журнал и болтала в воздухе голыми ногами.

Заботливая Никитишна притаранила неподъемное блюдо с фруктами. Она только что скормила бутылочку молочной смеси толстому Валерке и теперь беспокоилась о витаминном балансе в организме его праздной матери.

– Лесенька, поешь винограду, – сказала Никитишна.

– Мой толстячок все съел?

– Двести молока и сорок грамм пюре.

– Сейчас играет.

– Какой молодец!

– Пусть полежит. А я соберусь и поеду на прогулку. – Олеся взяла с блюда оранжевый с красными пятнышками абрикос.

– Ах, Олеся, как мне не нравятся эти твои поездки на машине с ребенком!

– А что такого? – удивилась Олеся. – Я ведь каждый день езжу. И Игорь не против.

– Опасно!

– Ничего опасного! Я прекрасно вожу. Ну а где здесь гулять, Никитишна, где? Тут столько народу! А в парке – тишина, птицы, дубы, сосны. Знаешь, как чудесно!

– Ну, не знаю, не знаю, – проворчала Никитишна недовольно.

Телефонная трубка запищала на кровати где-то под Олесей.

– Да?

– Олеська, привет. Это Дима.

Влюбленный Дима иногда позванивал, нагло игнорируя Олесин статус замужней дамы. Олеся не возражала, так как после свадьбы автоматически лишилась всех своих горячих поклонников ввиду бесперспективности дальнейшего ухаживания. Одного лишь Диму не смутил факт сдачи Москвы Наполеону, он только немного сбавил обороты и отступил на заго-

товленные позиции, но никогда не терял окончательно надежды отбить Олеся у счастливого Шведова. И зачем ему нужен был этот хрупкий оранжереинный цветок, красивый, но бесполезный?

– Дима, привет! Давно не звонил, – чавкнула в трубку Олеся. Она покончила с абрикосом и взялась за грушу. – Как твои компьютеры?

Дима Павлов работал программистом в банке «Шлимовский», преподавал в университете, вел бесплатные компьютерные курсы в обществе «Город детям-инвалидам», а также кидал под потолок черные гири, зимой по утрам скакал, словно лось, по сугробам, практически голышом, и обладал беспредельным упрямством.

– Пойдем в кино.

– Боже мой, Дима, какое кино! – засмеялась Олеся. Она перевернулась с живота на спину и стала делать в воздухе «велосипед» ногами.

– Пойдем в кино. Как в школе ходили.

– Это было сто лет назад.

– Хорошо. Пойдем к кому-нибудь на свадьбу. – Чуть больше года назад, поссорившись накануне по какому-то незначительному поводу с мужем, Олеся пошла на свадьбу к Татьяне с Димой. Той счастливой гулянки Дима забыть не мог и грезил о новой вылазке.

– Я же просила, никогда, никогда не напоминать мне про свадьбу! – возмутилась Олеся.

– Тогда скажи, как поживает Валерка.

– Валерка? Хорошо. Ест морковку, картошку, цветную капусту, кабачок. Уже немного сидит, только заваливается куда-то вбок.

– Я приду посмотреть, куда он заваливается, – быстро сориентировался Дима.

– Жаждешь встретиться с Игорем? Он не будет в восторге.

– Я тоже. Давай забьем стрелку в нейтральных водах.

– Не склоняй меня к адюльтеру. Я верная жена.

– Да ради бога! Просто я соскучился по тебе и твоему смешному ребенку.

Олесе было очень приятно, что Дима соскучился и по Валерке тоже. Она считала своего ребенка совершенно особенным, уникальным, самым умным, красивым, восхитительным. И все вокруг должны были разделять ее чувства. В общем, заурядная мамаша.

– Ну, последний месяц, когда хорошая погода, я гуляю с коляской вдоль водохранилища. Знаешь, там такая чудесная дубовая аллея? Начинается у кафе «Чио-сан»?

– «Чио-Чио-сан»?

– Да.

– Знаю. И можно тебя там подкараулить?

– Можно, – милостиво разрешила Олеся. Она никогда и в мыслях не помышляла изменить Игорю, просто ей не хватало восторженного поклонения и развлечений.

– Кстати, у нас поменяли номер. Установили новую АТС. Запомни. Нет, лучше запиши. С твоей дырявой памятью. 41-90-55.

– Значит, у нас тоже скоро поменяют! Подожди. – Олеся пошарила глазами по комнате в поисках, на чем бы записать номер. Авторучка валялась на тумбочке. – Как?

– 41-90-55.

Олеся нацарапала номер на сине-белом пакете. Его ей вчера дали в магазине, где она покупала растворимую кашу «Нестле». На пакете были нарисованы три синих медвежонка – они сидели вокруг стола с ложками. И подпись: «Где каши, там и наши».

– Ну ладно, Димуся, кажется, Игорь пришел. И мне надо собираться на прогулку!

– Спасибо, что сказала «Димуся». Я еще тебе... – Окончание фразы Олеся не услышала, так как в трубке что-то щелкнуло и она замолчала.

Пока Олеся натягивала крошечные эластичные шорты ярко-синего цвета и белый полупрозрачный топ, красила губы и ресницы, придавала своей прическе очаровательную вздох-

маченность, Никитишна успела накормить великолепным обедом Игоря, устранить последствия маленькой неприятности, приключившейся с Валеркой, то есть вымыть его под краном, собрать сумку с бутылочками, памперсами, влажными салфетками, одеть ребенка, убрать посуду за Игорем, ответить на звонок из детской поликлиники, снести вниз коляску и утрамбовать ее в багажник Олесиного джипа, потом вынести Валерку и устроить его в корзине на заднем сиденье...

– Олесья, ты не чересчур оголилась? – спросил Игорь, поймав жену на выходе из квартиры и целуя ее в макушку.

– Ой, ты прическу испортишь! А что? Ведь лето!

– Ну, не знаю, не знаю, – консервативно пробурчал Игорь. – Как-то все-таки... Тебе, конечно, здорово, но... Ну ладно. Кстати, телефон-то отключили! В подъезде висит на стене юноша в спецовке и утверждает, что ближайшие два дня телефон работать не будет. А потом нам дадут новый номер. – Игорь попытался еще раз поцеловать жену.

– Что за фокусы? Ой, Игореша, дай мне «сотку», – жалобно попросила Олесья.

– Зачем она тебе?

– Ну дай пофорсить! Ну пожалуйста! Представь, я еду на джипе и говорю по сотовому! Здорово!

– Еще чего не хватало! У тебя сзади ребенок, а ты собралась трепаться по телефону! Чтобы смотрела только на дорогу и никуда больше, поняла!

– Поняла-поняла, – торопливо кивнула Олесья. – Не буду. Но все равно дай. Пожалуйста! Представь, мне три часа коляску возить. А так я кому-нибудь позвоню. Вообще, мог бы давно мне подарить сотовый.

– Ладно, подарю, – махнул рукой Игорь. – На. – Он достал из кармана свой телефон и отдал жене. – Вережки из меня вьешь.

– Спасибо, мой зайченок!

Олесья схватила «сотку», чмокнула недовольного мужа в подбородок (выше не достала) и побежала вниз по лестнице.

Вчера Таня Птичкина проводила в командировку мужа Алешу, он отправился с фурами, нагруженными резиной, в Белоруссию, и теперь, как минимум, на пару недель Татьяна была обеспечена поводом для волнений, ночных страхов, переживаний за любимого. Особенно ее беспокоил пистолет, который пригрелся под мышкой у Алексея. Таня все время думала, что случится, если мужу придется им воспользоваться. Даже если и для защиты – кто будет разбираться? Он кого-нибудь убьет, его посадят лет на восемь. Или на пятнадцать? Жуть.

Все утро Таня играла на пианино «Ноктюрн» Глинки. Тональность фа минор очень соответствовала грустному настроению. Потом она закончила реферат по творчеству Леонкавалло, потом помыла плитку и кафель на кухне, потом съела два яблока и в конце концов поняла: отпуск в летнем городе – это что-то невыносимое. Надо уезжать на море. В Турцию или Италию. К теплему белому песку. К пальмам и кипарисам. К манго и авокадо. К пляжному волейболу.

Но при ее крошечной зарплате лучше забыть о существовании моря. Лучше вообще забыть о жизни. Да. Но ведь есть совсем неплохое шлимовское водохранилище! Таня нырнула в шкаф и через полчаса углубленного поиска изъехала из кучи бархла красный купальник, примерила его и очень себе понравилась. Потом она вспомнила, что в городском парке ее ждет встреча с Олесей, и барометр ее настроения из положения «облачность» плавно переключался к отметке «ясно, солнечно».

Олесья уже была на боевом посту. Валерка сладко дрых в коляске.

– Однако смелый у тебя вид, – сказала Таня, оглядывая подругу.

– Странно, – удивилась Олесья. – Игорь тоже возмущался. А что?

- А ничего. В автобусе я бы в таких шортах и майке не рискнула появиться.
- Я ведь на машине.
- Только это тебя и спасло.
- И к тому же лето. Тебе не нравится? Я выгляжу смешно? – расстроилась Олеся.
- Ты выглядишь убойно.
- Убойно, как короткое замыкание?
- Или удар Тайсона.
- Или атомный реактор.
- Как приступ стенокардии.
- Или как... как... Сдаюсь. Так жарко, что ничего не приходит на ум. Я удивляюсь, до конца мая был жуткий холод, словно лето и не собиралось начинаться в этом году, а теперь...
- Давай закроемся в джипе и включим кондиционер.
- А коляску? Я должна выгуливать ребенка.
- Заботливая мамочка. Слушай, я хотела спросить, а Игорь Валерке памперсы меняет?
- Ну, как тебе сказать. Заставить, конечно, можно.
- Не рвется, да?
- Да. В принципе все делает Никитишна. Но Игорь, конечно... Сейчас уже ничего, на руки берет, укачивает. А то после роддома все морщился.
- Морщился?
- Да. Когда Валерка был такой страшненький, красненький, Игорь от него отворачивался. Будто не ребенка на руках держал, а какую-то бяку. Знаешь, а мне Дима только что звонил, – вспомнила Олеся.
- Каков наглец! А если бы трубку взяла не ты, а Игорь?
- Спросил бы, дома ли я. Он уже так делал.
- А Игорь что?
- Ничего. Улыбается и пытается меня задушить. Ревнивый!
- Дмитрий не предлагал тебе куда-нибудь сходить?
- Да. Еще раз на свадьбу.
- Представляю твою реакцию. Напоминание о моей свадьбе чрезвычайно тебя заводит, – рассмеялась Таня.

– Да уж, – кивнула Олеся и опять все вспомнила.

...После ЗАГСа молодожены и Олеся с Димой отправились в короткую поездку – фотографироваться на фоне шлимовских достопримечательностей. Был чудесный февральский день, яркий и пронзительный, словно из стихотворения Пастернака – «дороги мокнут, с крыш течет, и солнце греется на льдине». Олесин джип, с двумя кольцами, звенел колокольчиками и мягко урчал на поворотах. Таня была в коротком обтягивающем платье-футляре из белоснежной ткани, без всяких прибабасов и вычурных украшений. А Олеся собиралась нацепить «скромный» темно-зеленый костюм (Франция), вообразив, как здорово он будет смотреться под распахнутой норковой шубой. Но шубу на свадьбу не пустила Никитишна. «Вырядилась, господи, – сказала она недовольно, – а как невеста рядом с тобой будет себя чувствовать?» Олеся смутилась, потому что о невесте она совсем не подумала. В результате на всех фотографиях Олеся красовалась в маленьком пальтишке из шерстяной фланели, стильность которого мог оценить только утонченный знаток моды.

Свадьба гуляла в арендованной студенческой столовой, на стенах висели плакаты с шутками-прибаутками, мама невесты заливалась крокодиловыми слезами, словно провожала дочку на строительство египетских пирамид. Дима ненавязчиво обнимал Олесю за талию и подливал, подливал шампанского. Когда Олеся говорила тост и вручала конверт, она, кажется, уронила фужер, все куда-то поплыло, поехало, словно в тумане. Все смеялись и говорили одновременно, смотрели на пьяную вдребадан Олесю очень доброжелательно и вообще были фан-

тастически милы и приветливы. Голоса сливались в однообразный и приятный шум. «Олеська, я никогда тебя такой не видела-а-а», – смеялась Таня, обнимая хохочущую до пьяных слез подругу, и они вдвоем куда-то падали, в темную бездонную яму, раскрывшую сонные объятия. Но Олеся боролась со сном, она не хотела спать, ей было невероятно весело. Она видела внизу восторженные лица знакомых и незнакомых парней и мужчин, когда танцевала на столе испанский танец с кастаньетами. Под кастаньеты она ловко приспособила чайные ложки, удивляясь своей смекалке и находчивости. Вроде бы она заехала ногой в салат оливье? Или ей показалось? Дима, такой красивый и душистый, тоже совершенно пьяный, прижимал ее к широкой груди и не умолкая говорил про любовь. Потом на мгновение она очнулась в каком-то закоулке столовского фойе в крепких Диминых объятиях, сумасшедшая уже не только от шампанского, но и от его поцелуев, с удивлением и смехом обнаружила свою голую грудь и, перевирая слова, пожаловалась Диме: «Ой, мне тут... у меня... расстегнулось» – но тут же провалилась в жаркую тьму... На второй день праздника Олеся не пошла. Ей было стыдно. События прошедшей ночи и ее выходки всплывали в памяти не разом, а постепенно, нанося один удар за другим. «Я танцевала на столе?» – неспешно шептала Олеся и встречала утвердительный кивок подруги. «Ты хотела исполнить стриптиз, но тебя остановили женщины. Ребята останавливать не собирались», – смеялась Татьяна. «Стриптиз?! Но я ничего не помню!» – ужаснулась Олеся, чуть не плача. «Ну что ты так переживаешь? На свадьбе всегда упиваются!» – пыталась успокоить несчастную Олеся подружка. «Но я впервые». Дима явился через день, с надеждой закрепить успех. «Мы страстно целовались», – заявил он, сгорая от любви и требуя продолжения банкета. И получил яростную пощечину, что возбудило его еще больше. Воспоминания о Таниной свадьбе отныне всегда заставляли Олеся покрываться краской стыда...

– Новая? – оторвала Татьяна подругу от неприятных мыслей, дотрагиваясь до крошечной сумочки из блестящей ярко-синей кожи на длинном тонком ремешке.

– Да, позавчера купила в «Желтой хризантеме».

– Представляю цену. «Нина Риччи»! – Сумочка переместилась в Танины руки. – Какая прелесть! К твоим шортам подходит по цвету. Но по стилю лучше, конечно, не к шортам, а к тому синему бархатному платью, да?

– Да, я тоже так думаю. Знаешь, Танчик-барабанчик, поддержи, пожалуйста, коляску, – а я быстро сгоняю в кафе. Куплю холодного спрайта. Подожди, деньги забыла, тетеря. – Олеся сунулась под Танин локоть, где все еще висела блестящая сумочка, и достала мятую десятку. – Как раз на двухлитровку. У меня в сумке всегда такой бардак!

Таня поправила на плече сумку и покатила коляску вдоль по аллее. Олеся быстрым шагом направилась в противоположную сторону – к кафе «Чио-Чио-сан», возле которого был припаркован ее джип.

Глава 9

Вадим затаился в тени деревьев, разглядывая объект. Не считая одинокой фигуры с коляской, аллея была совершенно безлюдной – посетителей городского парка в жаркий день влекло водохранилище, его песочный берег был облеплен голыми людьми, жаждущими прохлады «морских» волн.

Надо действовать. Вадим включил мотор, и «ауди» тихо сползла с грунта на асфальтовую дорожку.

Девчонка, как и обещал Платон, оказалась симпатичной. Короткая стрижка, русые волосы... Она успела только оглянуться в удивлении – машины по аллее обычно не ездили – и открыть рот для вопроса. Вадим не церемонился с легкой добычей, он ударил девчонку кулаком по голове и принял на руки обмякшее тело.

Пристроив жертву на заднем сиденье, он осторожно, чтобы не разбудить младенца, вытащил из коляски кружевное корыто и тоже установил в машину. Теперь девушка была зажата, как тисками, заблокированной дверцей автомобиля и темно-синей корзиной.

Быстро сложил коляску и сунул в багажник. Огляделся. Ни единой души. Виртуозное исполнение. Теперь осталось только выехать за пределы парка, не нарвавшись на блюстителей порядка. Вадим посмотрел в зеркало. Девчонка, повернув голову, уткнулась носом в угол сиденья.словно во сне. Ребенок в корзине тоже мирно дышал и время от времени взбрыкивал толстой голой ножкой. «Отец семейства везет домой усталых домочадцев», – усмехнулся Вадим, плавно вырывая на городскую трассу.

– Спрайта нет, и вообще все кончилось, – сказала супертолстая продавщица кафе, волосы которой были истерзаны перекисью до состояния пакли. – Но скоро привезут. Вот только баночка пепси, если это тебя удовлетворит.

Слоноподобная женщина оттопырила нижнюю губу и дунула вверх. Белая негнущаяся челка, подпрыгнув с мокрого лба, снова упала вниз. Продавщица выжидательно посмотрела на посетительницу. На девушке были маленькие шорты и тонкая короткая кофточка без рукавов, настолько прозрачная, что в ней и не было необходимости: дорогой кружевной лифчик открывался взорам во всей своей белоснежной красе. Женщина завистливо вздохнула – хорошо таким невесомым. Небось и не потеет вовсе. А здесь? Ни один дезодорант не справляется.

– Она такая теплая! – разочарованно протянула Олеся, взяв банку пепси. – У вас холодильник не работает, что ли?

– Жажда? – участливо спросила продавщица.

– Сейчас умру.

Если бы действие происходило в другом городе, Олеся давно бы послали с ее жаждой куда-нибудь подальше. Но в большинстве своем шлимовцы были на редкость спокойными, незлобными и добродушными людьми. Поэтому продавщица взяла теплую пепси и, подмигнув Олеся накрашенным глазом (кусочек туши при этом откололся от ресницы и с грохотом упал на пол), сунула банку под кран с холодной водой.

– Вмиг остынет, подожди, – сказала она и взглянула на подошедшего покупателя.

Через пару минут Олеся взяла свою банку и жестом предупредила желание продавщицы вернуть сдачу.

– Оставьте, – махнула она рукой, – спасибо.

Татьяны под дубами не было видно. «Свернула куда-нибудь», – подумала Олеся и принялась ждать. Ей очень хотелось растерзать пепси-колу, пока она снова не нагрелась, но Олеся мужественно изнемогала от жажды, помня о подруге. И тут девушка вздрогнула от неожидан-

ности: знакомый вой джипа, панический и страстный, взрезал умиротворенную тишину парка. Олеся рванула обратно к кафе, вытаскивая на бегу из карманчика шорт брелок с ключами.

Железный обруч на лбу немного ослабил хватку, и Таня со стоном вздохнула. Автомобиль мчался по шоссе, справа и слева высились сосны и мелькали время от времени рекламные щиты. Рядом с Таней, в корзине, улыбался Валерка и держал себя руками за пальцы на ногах. Он ждал ответной улыбки, но от страха, испуга и боли у Тани не было на нее сил.

«Неужели это происходит со мной? – подумала она. – Зачем? Кто он? Как это все случилось? Что он с нами сделает? Маньяк? Садист, убийца? Боже, как болит голова!» Таня положила руку на пузо Валерке, и тот довольно агукнул. Стриженный затылок похитителя виднелся впереди, за высокой спинкой сиденья.

– Куда вы нас везете? Что вам надо? – срывающимся голосом спросила Татьяна. Она много раз мысленно представляла, что бы она сделала в той или иной экстремальной ситуации, и сейчас поняла, что ничего бы героического она не сделала. Таня сидела около корзины вся в липком киселе страха и заторможенности, с трудом ворочая мысли, словно каменные глыбы. Больше, чем за себя, она боялась за ребенка, но ничего, ничего не могла придумать для его спасения. «Что с нами будет?»

– Оклемалась? – спросил водитель, пытаясь в зеркале заднего вида поймать Танин взгляд. – Извини, что я тебя так. Пришлось.

Голос у похитителя, как ни странно, был даже приятный.

– Что вам надо? – нервно повторила Таня. Валерка, уловив незнакомые ему панические интонации, забеспокоился, завозился.

– Прокатимся в одно место, – успокоил мужчину. – Не волнуйся попусту.

– Кто вы?

– Это не имеет значения.

– Что вы хотите?

– Я сказал, что мы прокатимся кой-куда.

– Зачем? Отпустите нас. Кто вы?

Однообразные вопросы Татьяны, очевидно, утомили незнакомца.

– Слушай, милая, заткнись, – грубо прервал он изящный диалог. – Сиди там и помалкивай. И не вздумай выкаблучиваться. Заморышу шею сверну.

Валерка, должно быть, обиделся на несправедливое название и завопил без вступления, гневно, звонко, оглушающе. У него из глаз брызнули слезы, и Таня заплакала тоже. Похититель несколько мгновений молчал, позволяя своему раздражению обрести конкретные очертания, потом, с трудом сдерживая ярость, сказал сквозь зубы:

– Прекратите истерику, блин! Олеся, уйми ребенка!

«Олеся»! Таня вмиг замолчала. Он принял ее за Олеся. Значит, это не просто выверт маньяка, схватившего в парке первую попавшуюся на глаза жертву. Значит, он хотел украсть именно Олеся с ребенком. Значит, ему это кто-то поручил? Но она не Олеся. Значит, она ему не нужна. Не нужна. Валерка нужен и Олеся, а она не нужна. Но не выпустит же он ее сейчас, если она объявит ему, что ее зовут Татьяна? Скорее убьет, как ненужного свидетеля... Таня замерла в неподвижности. Валерка, не встречая поддержки, тоже умолк и заинтересованно занялся ремнем от корзины.

Вадим не ожидал такого моментального исполнения своей просьбы. Он уже практически смирился с мыслью, что придется слушать вопли до самого окончания поездки. Он оторвал взгляд от дороги и с удивлением заглянул в просвет между сиденьями. Девчонка смотрела испуганно, глотала слезы и, к счастью, молчала.

Вадим удовлетворенно хмыкнул. «Выбирай с умом!» – пронесся мимо прямоугольный щит с рекламой сигарет. Недавно отремонтированное шоссе радовало шины своей безупреч-

ностью. «Взялись за дороги наконец-то», подумал Вадим. И застыл за рулем от неприятного холодка. Что-то сильно ему не понравилось. Что? «Короткие светло-русые волосы, голубые глаза...» Он бросил еще один взгляд в зеркало, и чудовищное подозрение подтвердилось. Глаза у девчонки были карие.

Глава 10

На капоте джипа лежали два веселых парня. Улечься в такую жару на раскаленное железо могли только совершенно невменяемые особи, каковыми парни и являлись. Буйное веселье разрывало их на части. Одинаковые головки в золотистой фольге выглядывали из большой спортивной сумки на асфальте – в ней было не менее десятка бутылок шампанского.

– А вот и хозяйка! – радостно объявил один из парней, огромный, плечистый, двадцатилетний. Его желтая футболка потемнела от пота на груди и под мышками. – Какая машина у нас крутая! Папулька подарил?

– Или любовник? – весело подключился его друг, такая же бицепсная «шайба». Он держал за горлышко пузатую бутылку из темного стекла и периодически прикладывался к ней.

– Муж, – недовольно ответила Олеся, выключая сигнализацию. – Между прочим, полковник милиции.

– Ой-ой-ой, напугала! На-ка, пивни!

Олеся вывернулась из рук первого развеселого мальчугана, но тут же уперлась в накачанную мокрую грудь второго.

– Я Гена, а он – Федя, – объяснил качок, вытаскивая из Олесиной ладони ключи. – Прикинь, в моментальную лотерею выиграли! И на все – ледяного шампуня! Двадцать бутылок! В такое пекло – лучше не придумаешь! На, глотни! Что это у тебя, пепси? Выкинь эту гадость! На, тебе говорят, выпей!

Олеся отчаянно вырывалась и смотрела на окна кафе в надежде, что кто-нибудь выйдет ее спасти. Но почему-то никто не выходил. Гена влажными железными пальцами стиснул Олесин подбородок и теперь пытался влить ей в рот шампанского. Олеся отворачивала голову и не могла поверить, что с ней вот так вот по-хамски обращаются среди бела дня в родном городе. Федя уже открыл джип.

– Прошу! – воскликнул он. – Дамы и господа! Прокатимся на шикарной колыхающей полковника милиции!

Федя сел за руль, не забыв прихватить с собой сумку, а Гена запихнул на заднее сиденье брыкающуюся Олеся.

– Отпустите меня, – забарабанила в окно Олеся, все еще не понимая, что же происходит. – У меня ребенок! У меня ребенок там остался! Вы кретины! Немедленно проваливайте из моей машины!

Федя запустил мотор, а Гена с громким выстрелом открыл новую бутылку, вылив половину содержимого на сиденье.

– Пей, я кому сказал, – грубо крикнул он, придавливая Олеся и пытаясь поймать ее губы. – Выпьешь бутылку – отпустим.

– Куда вы едете?! – орала Олеся, выкручиваясь. – Ты же пьяный! Ты машину мне разобьешь!

Несмотря на свое состояние, Федя довольно сносно управлял джипом, подбадривая себя нечленораздельной интерпретацией песни «Потому что нельзя быть на свете красивой такой». Настойчивый Гена все же исхитрился и заставил Олеся сделать пару глотков.

– Отстань! – заплакала она от бессилия, захлебываясь. – У меня ребенок остался в парке!

– Один, что ли? – сочувственно спросил Гена и подтянулся за новой бутылкой.

– С подругой, – рыдала Олеся.

– Ну и не плачь. Подруга присмотрит. А мы покатаемся и вернем тебя на место. Только не вреди, пей шампанское. Пей, кому говорят! Изнасилую, – предупредил Гена.

Угроза возымела действие. Олеся взяла ледяную бутылку и сделала маленький глоток.

– Умница! – обрадовался Гена. – Давай еще! Не порти праздник.

– Вы меня отвезете обратно? – с тоской спросила Олеся.

– Конечно! – заверил, оборачиваясь, пьяный Федя. – Что мы, изверги? Вернем в целости и сохранности к твоему этому самому. Ребенку, блин. Только немного покатаемся.

– Ну, пожалуйста, ребята, – попросила Олеся, вытирая слезы бутылочным боком.

– Не реви, мать, не гнусавь. Лучше пей. Оно вернее. Пей, кому сказал! – опять навис над Олесей Гена.

Олеся, всхлипывая, сделала еще глоток.

Таня почувствовала, как он напрягся. «Понял, что я не Олеся, – решила она. – Господи, что же будет-то?» Валерка уже совершенно успокоился, езда в машине очень ему нравилась, он шуршал памперсом, беззаботно лопотал и хватал Таню за палец.

Вадим свернул с трассы на лесную дорогу. Они ехали уже довольно долго. Очевидно, он хорошо ориентировался на местности. Татьяна занималась аутотренингом.

«Вспомни, вспомни, чему тебя учили, – твердила она мысленно. – Ты четыре года отбывала бросок через бедро! Сонная клуша! Ты даже не успела обернуться, когда он подошел! Четыре года занималась дзюдо, тренировала мышцы, давила спиной твердые маты, рисковала будущим потомством – и никакого эффекта. Даже Олеська, изнеженная орхидея, оказала бы больше сопротивления, чем ты. Слезы, сопли. Какой позор! Как стыдно! Тебе доверили ребенка, и ты должна его спасти!»

Она пыталась сконцентрироваться, укрепить сердце мужеством и героизмом, но руки и колени бесславно дрожали.

Белая «ауди» тихо остановилась, придавив колесами мягкий лесной ковер из иголок, маленьких шишек, коры. Сосны уносились ввысь, к голубым безоблачным небесам, и соприкасались хвойными кронами там, у неба. Вадим распахнул дверцу и, взяв за руку, грубо выдернул Татьяну из машины.

– Где Олеся? – недовольно спросил он.

– Она пошла в кафе. За спрайтом, – опустив голову, тихо ответила Таня.

Они отодвинулись на несколько метров от автомобиля, оставили его позади, среди сосен.

«Что же с ней делать, – с досадой думал Вадим. – Как я лоханулся! Вернуться в парк? Та, необходимая мне, наверное, ждет, моргает, не понимает, куда запропастилась подруга с коляской. Черт! А если уже ринулась в милицию? А с этой что?»

Вадим с тоской подумал о пистолете, об отличном пистолете, даже можно и без глушителя – тут, в лесу, кто услышит. Но у него был только острый нож, в обращении с которым Вадим не добивался особенного блеска, не его это был профиль, и поэтому мысль о необходимости сейчас расправиться со случайной свидетельницей вызвала отвращение. Будет вопить, вырываться, кататься по земле, слезы, кровь, грязь. Вадим задохнулся от омерзения и поморщился.

Таня видела его брезгливую гримасу. Страх парализовал, несмотря на гневные окрики, которыми она внутренне пыталась подтолкнуть себя. «Думай о ребенке, идиотка, – твердила Таня, медленно углубляясь в лес под холодным, изучающим взглядом похитителя, с трудом переставляя ватные ноги и теребя Олесину сумку на плече. – Вспомни, чем ты занималась четыре года! Захват, бросок, захват, бросок... О-хо-хо, у меня не получится. Сумка еще эта дурацкая... Куда ее деть?» Вадим не понял, что произошло. Он словно наткнулся на девчонку и тут же кубарем покатился по земле, хватая губами воздух и матерясь. А она уже продиралась, через лес, шумно дыша и стремительно удаляясь от поверженного противника. Вадим резво подскочил, но дьявольская боль в колене, острая и обжигающая, как раскаленная игла, заставила его умерить прыть. Сделав несколько мучительных шагов, он понял, что проклятой девчонки ему все равно не догнать, и повернул в сторону брошенного автомобиля.

– Ребенок! – напомнила Олеся уже сама себе, а не парням. После бутылки шампанского приключение казалось ей не столь диким и ужасным, как раньше. Гена дружественно обнимал ее за плечи, Федя подбирался к границе города, а в сумке ждали своей очереди нераспечатанные бутылки.

«Ладно, – подумала Олеся, с трудом заставляя себя не спать. Глаза почему-то закрывались сами собой. – Танюша ведь не бросит Валерку? Конечно нет! Что же я так беспокоюсь! Ну, немножко подождет! А я скоро вернусь. Они вернут меня обратно. Не звери ведь, обычные парни. Только немного пьяные».

– Давай еще по одной, – промямлил Гена. Олеся уже без воплей приняла из его рук очередную бутылку. Ледяное пенное шампанское было чудесно, Олеся впервые в жизни пила его прямо из горлышка.

– А мне? – спросил Федя и протянул руку. Олеся вставила в раскрытую квадратную ладонь свою бутылку.

– Кофтулька у тебя – опупеть, – прошамкал Гена, склоняя голову на Олесиное плечо. – Все равно что нет. Тоже муж-полковник подарил? Смелый мужчина. Уважаю его.

Олеся попыталась придержать голову Геннадия, которая моталась из стороны в сторону, но безрезультатно.

– Не падай! – разозлилась она. – Не падай, болван! Я сама сейчас упаду.

Олеся взяла руку Гены и минуту в недоумении смотрела на его часы, пытаясь сообразить, что значит, когда большая стрелка находится около двенадцати, а маленькая – на четырех. «О, – поняла она наконец, – четыре! Скоро кормить Валерку! А я все еще неизвестно где!»

Олеся хихикнула, удивляясь факту, что она умудрилась так ловко бросить ничего не подозревающую Таню с малышом в парке. Она была основательно пьяна.

Двухэтажное здание поста ГАИ на выезде из города заполнилось тихим гудением кондиционеров. Сержант дорожно-патрульной службы Павел Кайтуков с сожалением выполз на улицу, огляделся и запоздало схватился за полосатый, как хвост енота, жезл: стремительный джип, игнорируя знак «стоп», промчался мимо.

– Не дергайся, – спокойно остановил Пашу коллега, старшина Смоляков. – Пусть себе едет.

– Знакомая тачка, что ли?

– Знакомая, – кивнул Смоляков, зевая и отгоняя муху. – Дочка мэра.

– А-а... И часто она так носится на своем джипе?

– Не часто. Но номер я запомнил.

– Останавливал?

– Один раз. Ремень не пристегнула.

– Ну и как она? Молодая?

– Молодая, – согласился Смоляков, почесывая живот. – Даже очень. Лет шестнадцать.

– Да ну! Свеженькая такая! – восхитился Паша.

– А по правам – двадцать два выходит.

– Э-э... Ну, не очень свеженькая. Секонд-хэнд.

– Дурак ты. Самый сок.

– Симпатичная?

– Да... – сказал Смоляков, подумав. – Вообще кукла.

– Все-таки надо было догнать и остановить, – с сожалением вздохнул Паша. – Остановить и осмотреть.

– И не лень тебе по такой жаре суетиться?

– И оштрафовать.

– Приключений ищешь? – усмехнулся Смоляков. – Так вон мотоцикл, догоняй.

– Что я, дурной? Я пошутил, – пожал плечами Паша, воткнул в рот свиристелку и засвистел, как чайник на плите. Утлый «москвичек» послушно взрыл шинами асфальт возле строгого сержанта Кайтукова.

Гена спал на Олесиных коленях и храпел басом.

– Федя,пусти, – без надежды попросила Олеся и едва не врезалась в переднее сиденье от резкого торможения.

– Давай вали, – с трудом просипел Федя, останавливая джип. Язык его не слушался, автомобиль тоже. Джип стоял не совсем на обочине и больше перпендикулярно, чем параллельно потоку машин. Олеся с ужасом посмотрела на грохочущий «КамАЗ-5511», едва не раздавивший их, и, отодвинув тяжелого Гену, выбралась на волю. Федино лицо в просвете окна мелькало и расплывалось.

– Отдай машину, а?

– Зачем тебе? – не понял Федя.

– Ну... – Олеся глубоко задумалась. Зачем? – Она ведь дорогая... Тебе ни в жизнь столько не заработать... не зата... не заработать. Да.

– Отстань, ладно? – вяло буркнул Федя и упрямо взялся за руль.

Олеся отодвинулась в сторону, чтобы не погибнуть под колесами. Джип несколько раз дернулся – у Феде по пьянке обнаружились проблемы со сцеплением, и это страшно развеселило Олеся. Она пошла вдоль пыльной автострады, хихикая и оглядываясь на свой автомобиль и представляя, как удивится Таня, увидев ее в таком непотребном виде.

Водитель ярко-красного грузовика «вольво» с белыми надписями «Кока-кола» на бесконечно длинном кузове с улыбкой смотрел на пьяную полуголую малютку, которая, вытягивая шею, заглядывала в кабину и просила «доставить до города». Если бы его, водительская, дочка рискнула отправиться на улицу в таких бесстыдных трусах, он задал бы ей ремня.

– Вина, что ли, нахлесталась? – спросил он у беспричинно хихикающей крошки.

– Шампанского, – улыбнулась Олеся. – У меня ребенок в парке остался...

– Сама ты ребенок, – ухмыльнулся водитель. – Как же тебя занесло в таком виде к черту на рога? Эх, дурочка...

«Конечно дурочка, – подумала Олеся, приваливаясь к мягкой спинке. – Но я же не виновата. Совсем ни в чем не виновата». Она закрыла глаза и вздохнула.

Глава 11

При мысли о ребенке, таком милом, толстом, ничего не понимающем, оставшемся лежать в корзине в плену у похитителя, слезы вновь подкатили к горлу. Таня опустилась на теплую землю, усыпанную хвоей, уткнулась лицом в колени и зарыдала в голос...

Но через пять минут она уже энергично двигалась по сосновому бору в сторону, как ей казалось, дороги. Слезы были нерациональны и, сколько бы она их ни проливала, никак не меняли положения дел. «Он, значит, везет неизвестно куда нашего сладкого розового пупсика, а я, как дура, как ирригационное сооружение, смачиваю почву ненужной водой!» Таню такая расстановка сил не устраивала. Ей было необходимо как можно скорее добраться до ближайшего пункта милиции, полиции, ГАИ, чего угодно, и сообщить, что похищен внук мэра. Составят фоторобот, перекроют все выезды из города, короче, поймают и обезвредят. Никуда он не денется на своей белой «ауди». Ребенка в корзине так просто не спрячешь. Надо только быстрее выбраться из леса...

Вадим поставил корзину на диван и вытер пот со лба.

– Да заткнись ты! – рявкнул он что есть мочи.

Приказание не возымело действия. Ребенок закатывался, брызгал капельками слез, наливался кумачом и яростно пинал ножками воздух.

Вадим, свирепо матерясь, ушел (вернее – ухромал) в другую комнату и плотно придавил за собой дверь. Но детские нескончаемые вопли доносились и сюда.

– Платон, это я.

– Что за звуки там у тебя? – удивился Платон, сочно похрюкивая.

«Жрешь небось опять, кабан», – зло подумал Вадим.

– Недоносок этот орет!

– Так скажи девчонке, пусть успокоит его! «Самый умный, блин!»

– Девчонки нет.

– Как нет? – Платон даже перестал жевать.

– Вот так, нет. Она попросила подругу прогуляться с коляской.

– И что?

– А сама пошла в кафе. – Ну?

– Что – ну? Я взял не ту девчонку.

Платон на другом конце провода неприветливо замолчал.

– Высадил в лесу, – продолжал повествование о своих горестях Вадим, – хотел...

– Слушай, ты хоть не открытым текстом, – напряженно попросил Платон.

– И не получилось. Она сбежала.

– Ты что, больной?

– Наверное, – согласился Вадим. Давно он так капитально не ошибался. – А так как я больной, то взятки с меня гладки. Ребенка сами забирайте, я его тут оставляю, он меня уже достал.

– Ты, Вадим, не просто больной. Ты делаешь блестящую заявку на стопроцентный крентинизм.

– Спасибо.

– Давай, родной, спускайся вниз. Там тебя наверняка ждут.

– Вот еще.

– А ты думал? Та девчонка, я не сомневаюсь, давно уже в милиции. Вещает о твоих подвигах, описывает твою чудесную морду. ОМОН роет копытом землю, спецназ полирует штыки.

– Да не могла она так быстро выбраться из леса. И вообще, из-за чего такая суета? Из-за какого-то бизнесменского заморыша?

– Да? – нехорошо ухмыльнулся Платон. – Заморыш-то приходится единственным внуком мэру Шлимовска. И если девчонка все еще в лесу, то осталась та, другая, которая была нам нужна и которую ты бесславно упустил. Чем сейчас, как ты думаешь, занимается дочка мэра?

Вадим вздохнул. Вот вляпался!

– Именно! Она вопит благим матом, требуя назад своего ребенка. Операцию ты уже провалил. Заказчику это не понравится. Но у нас в руках остается младенец, и при удачном раскладе еще можно рискнуть и пойти ва-банк. Попытаешься смыться, достану из-под земли. Так что сиди тихо, меняй памперсы, корми грудью и моли Бога, чтобы все обошлось.

– Я не знаю, что с ним делать, – в ужасе простонал Вадим. – Он все время орет.

– Ну, он не сложнее автомата Калашникова, я думаю, – холодно отмахнулся Платон. – Сиди и не высовывайся, понял? Все, пока. Неудачник.

С беззвучной яростью Вадим смотрел на телефонную трубку. Потом швырнул ее на рычаг и, припадая на одну ногу, отправился в соседнюю комнату посмотреть, нельзя ли выключить у ребенка звук.

Глава 12

Анвар Хайбуллин, директор имиджмейкерской фирмы, лежал в кресле напротив своего клиента, которого он собирался в два счета протолкнуть в мэры Шлимовска, и очень себе нравился. Игорю Шведову он нравился куда меньше.

– Где ты выдрал эту фотографию? – хмуро спросил Игорь, рассматривая агитационную листовку. Крупно откадрированное лицо Шведова лучше было бы разместить на рекламе контрацептивов, а не на воззвании к избирателям. Его взор на снимке сиял откровенностью и обещанием неземных блаженств. – Откуда она?

Анвар самодовольно оглядел золотую печатку на холеном мизинце, раскрыл папку-файл и достал фотографию. Это был обычный семейный снимок. Ушлый Хайбуллин, вырвав физиономию Игоря из контекста, оставив его без фона в лице Валерки и Олеси, превратил владельца строительной компании в какого-то злого Казакову.

– Лучше бы не резал, так и оставил, – буркнул Шведов. – С семьей.

Анвар склонил голову набок и с явным удовольствием посмотрел на листовку, удерживая ее перед собой на вытянутой руке.

– Блестяще, блестяще! – сказал он. – Ты, Игорь, прости, конечно, но в имиджмейкерстве ты полный ноль. Да, согласен, кирпичи, шлакоблоки там, алебастр, сваи – здесь ты ориентируешься. Но в имиджмейкерстве ты абсолютное дитя. Ты ничего не понимаешь. Посмотри на эту фотографию! Я перерыл две сотни снимков у тебя дома и выбрал...

– Натуральные...

– ...самый сильный, – остановил Анвар слово, которое рвалось у Игоря из глубины души. – Посмотри, как падает свет. Здесь все. Тонкая, умная улыбка, властный подбородок, огненный взгляд стопроцентного лидера, энергичного, смелого, уверенного в себе. Перед нами человек, способный увлечь за собой...

– В бордель! – вставил Игорь.

– ...на баррикады строительства новой жизни. Шлимовску нужен именно такой герой, такая личность. Твоя харизма...

– Вставь эту харизму знаешь куда? Себе в задницу, – обиженно посоветовал Хайбуллину Игорь в лучших традициях американских боевиков. – А текст? Ты сам его писал?

Анвар сдул пылинку с шелкового галстука и поднял на Игоря ангельский взгляд непонятого гения.

– И текст тебе не нравится? – кротко спросил он.

– Я что, майонез «Кальвэ», да? – растерянно крикнул Игорь.

– Почему же? – удивился Анвар.

– Восхитительный, бесподобный, уникальный... На банке с майонезом написано то же самое. Стандартный набор прилагательных.

– Ну, ты скажешь... – совсем приуныл Анвар. – Прости, но ты дилетант, Игорь. Мне лучше знать, что...

– Надеюсь, твои блестящие знания очень тебе пригодятся в другом месте.

– В смысле?

– В том смысле, что я расторгаю с тобой контракт.

Хайбуллин подпрыгнул в кресле, от его умиротворенности не осталось и следа. Если Шведов не шутил, то вместе с контрактом в далекую туманную даль уплывали и «БМВ» представительского класса, и стремительные вылазки в Монте-Карло, и ресторанные обеды...

– Но как же, как же, – засуетился он, – я столько сделал для тебя! Мы с тобой проведем блестящую предвыборную кампанию, у меня еще столько идей!

– Предложи свои идеи кому-нибудь другому! – рявкнул Игорь, скомкал листовку и метко запустил ее в корзину для бумаг. – Проваливай! Ты уволен!

– Пожалеешь, Игорь, – пасмурно предупредил Хайбуллин, поднимаясь. – Но будет поздно.

– Что тебе там причитается, получишь в бухгалтерии. – Шведов нетерпеливо помахал рукой. – Иди, иди, харизма ходячая... Алло!

Звонила Никитишна.

– Игорь, я волнуюсь, – тревожно сообщила она. – Во-первых, телефон не работает, звоню снизу, из автомата. Во-вторых, Олеси до сих пор нет.

Игорь глянул на часы. Семь вечера.

– Подожди, не вешай трубку, – сказал он Никитишне и по другому телефону набрал номер своего сотового, который сегодня путешествовал по парку с Олесей. Раздались равнодушные гудки. – Странно. Сотовый не отвечает. Слушай, я тоже начинаю волноваться. Где она может быть?

– Игорь, ты приезжай домой, – попросила расстроенная Никитишна.

– Хорошо, еду.

Когда через три часа настойчивого пешедрала Таня все еще не обнаружила никаких следов цивилизации, она наконец поняла, что заблудилась.

Лес казался нескончаемым. Сосны, ели, березы с готовностью расступались перед Татьяной, чтобы она убедилась – здесь их несметное множество. Ветки хлестали ей по рукам, она спотыкалась о вспученные корни деревьев, шла то в гору, то под гору. Почувствовав неприятное покалывание, посмотрела на свое плечо. На плече сидел комар размером с лошадь, в невинной задумчивости. «А что? – нагло пискнул он, взвываясь над головой девушки. – Подумаешь, поужинал и прокатился. Тебя не убудет».

Комариные укусы горели на голых ногах и руках, и Таня мужественно боролась с желанием выступить в роли чесоточного больного.

Когда голод напомнил ей о продолжительности ее лесного пути, она наконец-то вспомнила про Олесину сумочку. «Олеся, ты простишь меня, если я пороюсь в твоей сумке? Может, у тебя там есть конфета? – подумала Таня. – Эх, да что там сумка! Я ребенка не уберегла!» – с щемящей тоской вспомнила она. Теплилась надежда, что Олеся, не обнаружив подружки с коляской в парке, вернулась домой и подняла панику. И похититель уже найден, а с ним неведомый, хотя и очень голодный Валерка.

Таня присела на бугорок, покрытый мелкой изумрудной травкой, и занялась своим багажом. Несмотря на ничтожный размер, в сумке было целых три отделения. В первом же Татьяна, к своему восторгу, нашла вафлю «Причуда». «Ах, Олеся, почему не кровавый бифштекс? – подумала Таня, запихивая ее в рот и с грустью разглядывая обертку. – Он был бы весьма кстати». Затем на свет были извлечены маленькая расческа, квадратная коробочка теней фирмы «Орифлэйм», пакетик с влажной салфеткой, часы на золотом браслете, обрывок тетрадного листа с какими-то каракулями, ручка «Паркер», тюбик сливовой губной помады, детская пустышка, шариковый дезодорант, триста долларов тремя новыми купюрами и около двух тысяч рублей, носовой платок, мужская запонка, грецкий орех, абсолютно новая миниатюрная записная книжечка, синий с золотом контурный карандаш от Диора, леденцы от кашля... В крайнем отделе сумки лежал сотовый телефон.

Глава 13

Грузовик замер, и через несколько минут Олеся проснулась. Над капотом нависла летняя ночь, мелкие капли недавнего дождя застыли на лобовом стекле. Водителя рядом не было. Олеся с трудом открыла тяжелую дверцу и прыгнула на черный, влажный асфальт. По сравнению с теплой кабиной на улице было довольно прохладно. Олеся поежилась и обхватила себя руками. Над ней сверкал красными огоньками навес автозаправочной станции. Темные деревья по краям асфальтированной площадки шумели, и охали, и хлопали ветвями. Водитель грузовика разговаривал с кем-то у будки. Прежде чем он обернулся, Олеся уже успела пересечь территорию заправки, мелькнуть белой птичкой среди деревьев и совсем скрыться из виду. Она постаралась исчезнуть прежде, чем водитель потребует от нее какой-нибудь платы за оказанную услугу.

«Представляю, как напуганы Игорь, Таня и Никитишна, – думала Олеся, выбираясь на оживленную городскую улицу и высматривая, где можно тормознуть такси. – Валерка уже давным-давно искупался и спит. И даже не знает, что его блудная мамочка все никак не попадет домой. Надеюсь, папуля тоже не в курсе, а Игорь еще не успел поставить на уши всю шлимовскую милицию. Но разве я в чем-то виновата? Меня увезли против моей воли. И шампанское я пила под дулом автомата. Нет, я тут ни при чем. Мне еще повезло. Все могло кончиться гораздо печальнее. Интересно, что с джипом? Они его хотя бы захлопнули, когда накатались? Придурки, иначе и не скажешь. О, моя бедная Татьяна. Наверное, слонялась по аллее до посещения, а потом нашла в сумке сотовый и позвонила Игорю. И Игорь ее забрал. Как же они сейчас волнуются! Но ничего, я почти вернулась в лоно семьи».

– Знаете, у меня нет с собой денег, – торопливо объяснила Олеся водителю остановленного такси, заглядывая в кабину, – но я вам вынесу из дома. Хорошо?

Таксист кивнул. Олеся с удовольствием устроилась на теплом сиденье. Ее фривольный наряд явно не соответствовал температурным условиям наступившей ночи.

– Куда, мадамзель? – спросил шофер.

– Солнечная, дом четыре.

– Где это? – удивился таксист.

– Знаете новый дом из красного кирпича на пересечении с Васильевской улицей?

– Васильевской?!

– Да. Не знаете? Ну как же? Ну, вот еще там фирменный магазин «Шоколадная роза». Конфеты продают.

– Девушка, вы мне голову не морочьте, – потерял терпение таксист. – Какая такая «Шоколадная роза»? Какая Васильевская? Что за новости? Я Валомей знаю как свои пять пальцев.

– Валомей? – тихо повторила Олеся, чувствуя, что ее несчастная голова, и так немного ненормальная от выпитого шампанского, сейчас окончательно откажется соображать. – Валомей? А где Шлимовск?

– Шлимовск? – удивился таксист и посмотрел на пассажирку, как на больную. – Шлимовск, милая, это четыреста километров на север. По лесам и болотам. А здесь, к твоему сведению, Южный Валомей.

Валомей, да еще и Южный, добил Олесю окончательно. Ничего не понимая, она молча выбралась из теплого салона автомобиля и замерла на обочине. Таксист пожал плечами и наступил на педаль газа.

Ребенок сидел в корзине и заливался горькими слезами. При появлении Вадима он увеличил громкость и завопил самозабвенно, яростно и почти до хрипа. Вадим взял младенца под мышки и поднял до уровня своих глаз.

– Знакомься, – сказал он, с отвращением разглядывая пунцовое личико, – я твоя новая мамочка.

Ребенок замолчал всего лишь на пять секунд. Потом приободрился, набрал в легкие побольше воздуха...

– Не надо, я очень тебя прошу, – взмолился Вадим. – А ну, заткнись! Убью!

Угрозы киллера волновали младенца так же мало, как требования бастующих шахтеров российское правительство. Его следующий вопль мог бы украсить золотую коллекцию звуко-режиссера, работающего с кинотриллерами.

В стену забарабанили.

– Перестаньте издеваться над маленьким! – раздался от соседей женский крик, – да сколько же это будет продолжаться?! Я сейчас милицию вызову!

При слове «милиция» Вадим моментально закончил вхождение в образ добропорядочной мамы. На угрозы ребенок не реагировал, значит, надо было действовать тоньше.

– Ну, давай договоримся, мужик! – упрашивал Вадим, качая малыша на груди. – Разве мы с тобой не договоримся? Мы ведь мужики оба, что же мы, не договоримся? Давай, ты быстренько заткнешь хавальник, а я придумаю, чем тебя порадовать... Да ты жрать хочешь! – догадался наконец наемный убийца, не очень сообразительный, надо признать. – Вот оно что! Так я мигом! Только не ори, прошу тебя! Зачем нам милиция, а? Нам милиция совсем ни к чему. Не ори, козел, кому сказал!

Вадим ринулся на кухню. На кухонном столе толпилось несколько стеклянных бутылочек и банки с детским питанием.

– Вот еда, смотри, я тебя не обманываю, – сказал Вадим, тряся ребенка над столом. – Сейчас все сделаю! Только немного помолчи!

Вадим заметался, не зная, куда пристроить детеныша. Вернулся в комнату, схватил корзину, бросил в нее своего орущего мучителя и помчался обратно на кухню.

– Так-так-так, – бормотал он, разглядывая жестяную банку, «вскипятить воду»... – Где вода? Вот. Сейчас. Эй, не вылазь! Надо же, ушлый какой тип!

Ребенок сидел в корзине на полу и дергал обои за отошедший край. Это занятие настолько его увлекло, что он на несколько минут забыл про свое невыносимое горе и перестал вопить.

– Вот и молодец, занялся делом! Что тут еще? «Прокипятить бутылочку...» Спятили! Времени нет. «Одна мерная ложка на тридцать миллилитров...» А сколько вообще? Тебе сколько месяцев?

Ребенок закашлялся. У него изо рта торчал кусок обоев. Вадим бросился на помощь. Пострадавший ухитрился в момент реанимации уцепиться за волосы Вадима и вырвать некоторое количество.

– Ах ты скотина, – задохнулся от боли и несправедливости Вадим. – Я тут для тебя еду, как идиот, готовлю, а ты...

Грубых слов юное существо, очевидно, не переносило органически. Губки поползли вниз, рот искривился, носик сморщился – малыш с упоением приступил ко второй части концерта. Из комнаты опять донесся стук и женские вопли.

– Все, все, я пошутил. Ты хороший. Это я скотина. Только не плачь, только не плачь, умоляю!

Как же ему хотелось пристукнуть младенца! Но вместо этого Вадим показал ему бутылочку. Порошок не размешался, плавал комками, но приглашать к трапезе два раза не пришлось. Ребенок вцепился в соску, как волчонок, зачмокал, закатил от удовольствия глаза.

Вадим смотрел на детеныша, на его пузо, на глазах увеличивающееся, на бутылку, из которой со сверхзвуковой скоростью исчезало молоко, и думал о том, что в такой дурацкой ситуации он не оказывался еще ни разу в жизни.

Сотовый! У Тани перехватило дыхание от восторга. Какая она глупая, что не заглянула в сумку раньше! Как просто решились все проблемы! Стоит только набрать номер... Татьяна быстро защелкала кнопками. Через несколько секунд восторг и предвкушение близкого избавления от всех невзгод сменились жутким разочарованием. Телефон не работал.

«Ну что же ты, Олеся! – расстроено думала Таня, поднимаясь с изумрудного бугорка и снова отправляясь в путь. – Зачем тебе неисправный телефон? Хотя... Может быть, я нахожусь вне радиуса его действия... Но тогда... Куда же он меня завез?»

Татьяна попыталась вспомнить карту Шлимовска. Если ехать из городского парка в Ленинский район города, а именно по этому новому, недавно отремонтированному шоссе (рядчиком, кстати, была фирма Игоря Шведова) и ехала «ауди», когда Татьяна пришла в себя после удара... То приедешь в Ленинский район. Но если свернуть в лес, то можно выехать из Шлимовска и углубиться в грандиозные пригородные дебри, с великолепными хвойными и лиственными деревьями, с чудесным свежим воздухом, с живописными озерами, с белками, медведями, волками и крокодилами... Короткие волосы Таниной прически встали гребешком на голове – ей стало страшно. План Шлимовска был перед глазами – девственный загородный лес в предгорьях Южного Урала кучерявился зелеными завитушками, уходил вниз и упирался в край карты... В этом бескрайнем лесу можно было бесследно исчезнуть и без помощи волков и крокодилов.

Глава 14

Никитишна, причитая и постанывая, рыдала на диване. Валерий Александрович время от времени утешительно хлопал ее по плечу, но и сам выглядел не лучше. Тревожный вечерний звонок зятя вырвал Суворина из мэрии, заставил примчаться на Солнечную улицу, где жили дети, и украл лет пять жизни. Из лучезарного Господина Ого-го Суворин на глазах превращался в несчастного отца и деда, который еще привычно отдавал направо и налево громкие и решительные указания, организовывая поиски исчезнувшей Олеси и ребенка, но уже чувствовал инфарктные синкопы в сердечном ритме.

Игорь тоже вмиг растерял свой шарм крутого, крепкого мужика, любимчика фортуны. Он откровенно психовал, нервничал, беспечно метался по комнатам, как тигр в клетке. Несколько раз он хватал было трубку телефона, но, не услышав гудков, бросал ее обратно. Сотовый забрала у него сегодня Олеся, и, лишенный средств коммуникации, Шведов чувствовал себя совершенно беспомощным.

– Какого хрена именно сейчас понадобились эти новые АТС? – в сердцах спросил он.

– Выборы ведь, – криво улыбнулся Суворин. – Ты тоже вон торговый городок под центральной площадью аккурат к выборной кампании закончил. Ладно, не горячись.

Милиция с собаками рыскала по парку, мэр поднял на ноги все, что можно было поднять для поисков дочери и внука, но утешительных звонков на мобильный телефон Суворина пока не поступало. Ожидание становилось невыносимым.

– Извините, – уныло кивнул Игорь. – Телефон, конечно, ни при чем. И вы тоже. Куда могла исчезнуть Олеся с коляской? Может, выпить корвалолу? Или что там пьют от сердца?

– Водку, – вспомнил Суворин.

– Корвалол в аптечке на кухне, – проныла с дивана Никитишна. – Я тоже буду.

Игорь отправился на кухню, налил воды в три стакана, с сомнением посмотрел на бутылек с лекарством, не зная, сколько лить, и, в конце концов, разделил флакон поровну, на троих.

Никитишна взяла емкость дрожащей рукой, мэр ударился о стакан новенькой керамической челюстью, Игорь расплескал половину на ковер. Они напряженно ждали звонка и боялись его услышать.

– А где твой сотовый? – спросил Суворин.

– У Олеси.

– ?!!

– Я звонил уже раз сто, – ответил Игорь на беззвучный вопль тестя. – Нет ответа. Вообще никаких сигналов. Не знаю.

Телефон наконец-то заквакал. Все затаились.

– Да? – осторожно спросил Валерий Александрович, и не пытаясь маскировать свой страх. – Суворин слушает. Так. Около четырех? Ясно. Ждем.

– Что, что, что?! – закричали Никитишна и Игорь.

– С поста ГАИ на въезде в город, по трассе Шлимовск – Валомей. Около четырех часов проехал Олесин джип.

– Что ей понадобилось там, у черта на рогах? – удивился Игорь.

– О господи! – запричитала Никитишна.

– Игорь, тебе никто не угрожал? – спросил Валерий Александрович.

– В смысле? – не понял отупевший от ужаса и страха Шведов.

– В смысле твоих предпринимательских дел? Может, ты дорогу кому-то перешел? Может, тебя хотят прижать к стене?

Игорь задумался, потом отрицательно покачал головой:

– Уже бы знал. Уже бы позвонили и сообщили, за что конкретно я страдаю. Потребовали бы реальных действий. Или выкупа. Я так думаю. Может, это вас хотят прижать к стене, а не меня?

Суворин вздохнул, и все опять замерли на своих местах. Новый звонок заставил вздрогнуть убитую горем публику.

– Найден джип, – сообщил через минуту Валерий Александрович. – В полусотне километров от города. Олеси и ребенка в нем не оказалось. Машина перевернулась. Внутри два каких-то парня. Доставлены в больницу «Скорой помощи». Состояние критическое у обоих.

– А где же Олеся? Какие парни? Что вообще происходит? – разозлился Игорь. – Так, я сгоняю в больницу, согласны?

– Давай, Игореша, мчись, – кивнул Суворин. – Я буду пока ждать новых известий.

За час отсутствия Шведова телефон звонил раз сто, и каждый звонок безжалостно вгрызался в сердце мэра. Хотя ничего убийственного начальник городского управления внутренних дел не сообщал, однако каждый раз Суворин готовился к худшему. Удельный вес седых волос в его роскошной шевелюре планомерно увеличивался. Страх за Олеся и малыша сменялся злостью на безответственную дочку, которая позволила, чтобы с ней что-то произошло. Дети, видно, для того и существуют, чтобы по песчинке формировать могильный холм для родителей.

Игорь вернулся без известий. Парни были ему незнакомы. Когда он подъехал к больнице, и первому, и второму уже сделали операцию, переместили в реанимационную палату и вверили доброте Бога. Потому что от врачей их жизни уже не зависели.

– Пьяные вдребадан, – сказал Игорю хирург.

– Они ничего не говорили?

Врач посмотрел как-то странно.

– Да нет, – ответил он. – Когда половина черепа всмятку, мало у кого возникает желание выступить с речью...

Редактора газеты «М-Репортер» Аркадия Гилермана, когда он был еще эмбрионом, его беременная мама, вероятно, недокормила витамином А. Теперь он усиленно восстанавливал справедливость, покупая себе при каждом удобном случае говяжью печень и наполняя кухню жуткими запахами. Специфический субпродукт, дополненный различными приправами из баночек и пакетиков, был для Аркадия милее отличного ростбифа. Правильно говорят, что каждый сходит с ума по-своему.

Такая низменная страсть являлась позором для тонкого гурмана, каковым являлся Аркадий, но он ничего не мог с собой поделать. Гемоглобин от еженедельной порции печени у Гилермана зашкаливал, кровь бурлила...

Аркаша выложил на огромную сервизную тарелку содержимое казанка и, втягивая обратно слюни, поставил блюдо на овальную салфетку. Изящные вилка и нож с хромированными ручками уже дожидались вечернего священнодействия. Зеленый горошек, желтая консервированная кукуруза, укроп и петрушка, нарезанный огурец красиво обрамляли бесформенную серую массу рубленой печени. Но едва редактор опустился на стул и занес вилку над своим сокровищем, в дверь кто-то настойчиво забарабанил. Аркадий вздохнул, нехотя отложил в сторону прибор, выдернул из-за шивороты крахмальную утиралочку и направился в прихожую...

...Умирая в темной сумке от духоты, Бублик думал о вредности своей хозяйки. «Могла бы взять такси! В автобусе запинали! Куда она меня везет? Что ждать мне от судьбы? Ничего хорошего». Почувствовав сквозь ткань прохладу плиточного пола в подъезде, Бублик понял, что вояж закончен. И настроился на худшее. «Но неизвестность определенно хуже, – фило-

софски подумал он, щурясь от яркого света, просочившегося в темноту сумки сквозь открываемую „молнию“. – Сейчас я узнаю, кому она меня отдаст. О, какой запах!»

В последнем восклицании Бублика чувствовалось приятное удивление, и восторг, и затаенная надежда.

– Привет, Аркаша! Ужинаешь? – невинно спросила Маша, вваливаясь с сумкой в прихожую. – Фи, что это ты ешь? Так пахнет.

Маша недовольно сморщила носик. «Много ты понимаешь», – прогундел снизу Бублик и, высунув голову наружу, с подозрением огляделся.

– Ты что ночью разгуливаешь? – спросил Аркадий, не приглашая зайти в комнату. – Кто это? – удивился он.

– Бублик. Мой драгоценный кошак, – объяснила с улыбкой Маша. – Возьми на время командировки, а?

– Ты сдурела, Мария Понтыкина, – резонно заметил Аркадий. – На фига мне твой кот?

– Аркаша, не хами!

– Нет, ну на фига?

– А мне что делать?! – взвилась Маша. – Куда моего малыша пристроить? Ты меня спровадил в командировку, ты и бери кота!

– Ох, какая же ты вредная! – заметил Аркадий.

Маша смотрела на него честными зелеными глазами, моргала, складывала губки бантиком, смахивала со лба светлую челку. Она немного взмокла от путешествия в метро, и от этого ее цветочные духи пахли сильнее. Аркаша чувствовал, что он вряд ли сможет отказать своей наглой подчиненной.

Серое, предельно лохматое существо выглянуло из сумки, покосилось на Гилермана и, ловко выскочив, прошмыгнуло в недра квартиры.

– Вот, ему понравилось! – довольно объявила Маша и застегнула сумку. – Ну, я пошла! Чао, мой диктатор. Рано утром лечу в ненавистный Шлимовск.

Аркаша схватил корреспондентку за руку.

– Во сколько самолет? – осведомился он.

– Рано. Я так рано и не встаю.

– Я отвезу тебя на машине. Утром.

– Спасибо, я возьму такси. В смысле, ты хочешь, чтобы я осталась у тебя?

Аркаша энергично закивал. Коварная Маша сделала вид, что думает.

– Нет, пожалуй. Чемодан стоит несобранный. Спортивную сумку «Адидас» Мария укомплектовала уже вчера.

– Останься, – жалко попросил Гилерман. Он был на голову ниже Маши и снизу вверх буравил ее черными глазами.

– Ну... – снова якобы задумалась безжалостная Маша. – А что у тебя на ужин? Пахнет вообще-то не очень.

– А на ужин я тебя не приглашаю, – отрезал Аркадий. – Только в кровать. Какой ужин после девяти вечера? Тебе надо беречь фигуру. Ладно, открою шампанского. И персики у меня есть.

– Тогда пока. Пойду к чемодану, – решила Маша. – Прости, некогда. Позаботься о Бублике. Он хороший, но своенравный. Будь с ним нежен. Помни, он самое дорогое, что у меня есть.

Маша вырвала свою руку из редакторской ладони и вышла из квартиры. Аркадий с душевными вздохами закрыл четыре замка на двери и направился на кухню. Маша отказала ему в очередной раз, но ведь еще оставалось дивное блюдо, любовно приготовленное и, наверное, уже остывшее (к несчастью!).

На кухонном столе сидел лохматый Бублик и с утробным урчанием облизывал пустую тарелку, Аркаша застыл на месте, не веря своим глазам и еще не осознав весь ужас потери. Бублик поднял от тарелки зеленый, как и у его владелицы, взор, туманный от полученного кайфа, и послал Гилерману воздушный поцелуй. «Это рай, – думал Бублик, – рай! Я попал в рай! Ах, Машка, Машка, иногда я тебя недооцениваю!»

Одежда Олеси мало подходила для прогулки по ночному городу. Удивление, растерянность, страх переполняли ее, когда она пробиралась по незнакомой улице, не представляя, что же ей делать дальше.

«Проклятое шампанское! – думала Олеся. – Я была пьяна и остановила грузовик, идущий не в том направлении. Он ехал не в Шлимовск, а в Валомей. Как мне теперь отсюда выбираться? Игорь в панике. Никитишна пьет корвалол, у папы будет инфаркт. Бедный Валерка не дождался от меня вечернего поцелуя, лег спать без мамы!»

Наступила ночь, и от дневной жары не осталось и намека. Олеся тихо замерзала. Легкомысленные шорты и прозрачная кофточка выглядели по меньшей мере странно на фоне дождевиков редких прохожих. Гроыхая, подкатил троллейбус с яркими окнами и табличкой «Чайковского – Вокзал», Олеся забралась в него и пристроилась на сиденье в хвосте, полуголая, жалкая, несчастная, никому не нужная в этом городе. В ее жизни, до мелочей заботливо обустроенной и продуманной мужем и отцом, подобные ситуации раньше не возникали. Ах, Олеся с радостью сейчас отдала бы кому-нибудь свой бриллиантовый гарнитур, или все шикарные костюмы, или несколько шуб, да что шубы – джип она согласна была подарить тому, кто чудесным образом перенес бы ее из дурацкого Валомея в квартиру на Солнечной улице, в мягкую, теплую кровать, под бок любимому Шведову, а за стеной в детской чтобы сладко спал Валерка, вверенный ночным заботам преданной Никитишны... Но джип у нее и так уже увели. И...

– Оплачивайте за проезд!

– Что? – Олеся резко отпрянула от троллейбусного окна, вернувшись к действительности. «Оплачивайте за проезд», – разве так говорят, удивилась она. Это было самым маленьким удивлением из тех, что ждали ее впереди. Кондуктор – утомленная своим бесконечным путешествием по кругу тетка тяжело нависла над Олесей.

– Девушка, за проезд оплачивать будете?

– Сколько? – с затаенным ужасом спросила Олеся. Последний раз она ездила в общественном транспорте лет сто назад.

– Полтора, – буркнула кондукторша, разглядывая Олесину ключицу.

– Рубля?

В глазах женщины блеснул красный терминаторский огонек – в ней возродился интерес к жизни.

– Нет, шиллинга, – весело, с издевкой ответила она, перемещая взгляд с Олесиной ключицы на ее испуганное лицо.

Полтора рубля! Что значила эта сумма для Олеси сегодня утром? Ничего! Но сейчас у Олеси не было при себе даже носового платка.

– Ну так что? – не отступала тетка, большая, грузная, сердитая. – Девушка! Я жду.

– У меня нет денег, – прошептала Олеся.

– Что?

– Нет денег...

– Посмотрите, у нее нет денег! А мне-то что! Бесплатно ездить все горазды!

Четыре запоздалых пассажира прислушивались к диалогу контрабаса и свирели. Троллейбус затормозил, двери с дребезжанием разъехались в стороны.

– Ну-ка, выходи! – воинственно заявила кондукторша и грубо схватила Олесю за локоть.

– Вы что? – возмутилась Олеся и выдернула руку. – Мне надо на вокзал!

– А в Париж тебе не надо? – элегантно сострила тетка. – Ишь, вырядилась! Ни стыда, ни совести! Вертихвостка! А наглая какая! Посмотрите на нее! Да она...

В следующую минуту Олеся узнала о себе много нового. Словесное внушение было столь убедительным, что она вмиг скатилась по ступенькам троллейбуса и оказалась на улице. Ее щеки пылали от стыда, в глазах стояли слезы обиды. Впервые за двадцать два года Олеся услышала в свой адрес подобные выражения и эпитеты. Да и не только в свой адрес, а вообще. Ее жизнь была наполнена красотой и изяществом, рифмами Петрарки, холодными красками Норманна, прозрачной музыкальной акварелью Шуберта, экзальтированной живописью Эль Греко, изысканной графикой Хиросигэ. Короче, к восприятию грубостей и мата утонченная барышня была совершенно не подготовлена. Один из пассажиров – мужчина лет сорока в мятой шелковой рубашке веселенькой латиноамериканской расцветки – выскочил следом за Олесей на пустынную ночную улицу.

– Девочка! – окликнул он негромко.

Олеся посмотрела на него в растерянности.

– Что?

– У тебя нет денег? – вкрадчиво начал мужчина. У него были противные тонкие губы и бегающий взгляд.

Олеся кивнула.

– Так ведь можно заработать.

Уголки тонких губ, растянутых в сальную улыбочку, вздрагивали. Олеся в ужасе отшатнулась.

– Постой, глупая! – Мужчина попытался схватить Олесю.

Но та извернулась коброй, выскользнула и пустилась наутек.

Она мчалась не разбирая дороги, перепрыгивая через канавы, звонко хлопая подошвами по мокрому асфальту, попадая в фиолетово-белый свет ночных фонарей и ныряя в страшную тьму. Вокруг не было ни души. Город спал. Троллейбусная остановка скрылась где-то позади. Олеся завернула за угол дома и остановилась, хватая ртом воздух, задыхаясь. И поняла, что попала в очень оживленное место.

В широком проезде, образованном стенами пятиэтажек, в полумраке слонялись группы людей. Время от времени, светя фарами, в проезд врывались автомобили. Олеся пригляделась. Две девушки в коротких темных платьях и на шпильках о чем-то разговаривали с водителем через открытое окно. Потом одна из них села в машину и уехала.

Следующая иномарка въехала во двор с противоположной стороны, выхватывая желтым ближним светом погрешности неровной дороги и бордюры. Едва притормозив у сумрачной стайки девиц, автомобиль тронулся дальше и остановился в пяти метрах от застывшей Олеси. Два парня из красного «ниссана» смотрели на яркое пятно, каковым являлась на этой загадочной темной улице сине-белая Олеся, и ждали, что девушка подойдет. А девушка и не собиралась.

– Эй, тебя что, парализовало? – спросил один из парней, высовываясь в окно. – Иди сюда!

– Зачем? – настороженно спросила Олеся. Парни переглянулись и засмеялись.

– Первый раз, что ли? – предположили они.

«Господи! – поняла наконец-то Олеся. – Куда я попала! Это же ночная ярмарка проститутток. О-о-о, – застонала она, – я хочу домой, к Игореше, к Никитишне! Игорь, милый, забери меня отсюда! Пожалуйста-а-а! Я буду хорошо себя вести! Я больше никогда не буду тебя ругать, что ты оставляешь включенным тостер! Я буду сама делать тебе утром бутерброд! Я научусь варить борщ, который ты так любишь! Я буду разумно тратить заработанные тобой деньги! Я... Только забери меня отсюда!»

- Выбор вообще-то большой, – напомнил вербовщик. – Ты шевелиться будешь или нет?
- Да двигай, Вить, она вареная какая-то. Зачем нам такая нужна?
- Ну, хорошенькая ведь!
- Тебя что, ее лицо интересует?
- Ладно, возьмем кого-нибудь поэнергичнее. Давай вон тех двух...

Но владельцам красного «ниссана» так и не удалось завербовать исполнительных и трудолюбивых красавиц, по крайней мере на этой территории, так как в следующее мгновение все участники ночного рынка были ослеплены пронзительными фарами милицейского «уазика». Он с ревом ворвался во двор, словно разъяренный бык на песчаную арену корриды.

Иномарка плавно дала задний ход и скрылась в просвете между домами. Никем не арендованные девицы заматались, засуетились, пытались избежать встречи с милицейским десантом. Многим удалось скрыться, но Олеся оказалась в числе самых нерасторопных. Она ничего не успела понять, забиласьдохлым воробышком в крепких руках молодого стража порядка и вскоре с замиранием сердца обнаружила себя в тесном железном чреве «уазика». Вокруг плескались грязными ругательствами, вопили, орали, толкались выбитые из графика ночных работ жрицы любви в количестве пяти человек.

После бесславного падения в лесу у Вадима болело колено. «Спасибо, что не перелом, – мрачно думал он, хромая, – это было бы очень кстати».

Преобразование киллера в мамашу происходило тяжело, с надрывом и головокружением. Вадим поставил себе задачей-минимум добиться тишины в квартире, чтобы не травмировать нервную соседку и не провоцировать ее на решительные действия. Наивный, он и не представлял, что – объективно – эта задача является не минимумом, а недостижимым идеалом.

Избежать воплей можно было довольно просто – прибить вредного младенца, но у Вадима не было на то санкции. Существовали, наверное, и другие, возможно, не менее эффективные способы умиротворения горлающих детей, но он о них ничего не знал. Опыт, накопленный человечеством в этом вопросе к моменту, когда на руках у Вадима оказался внук мэра, был недоступен. После одной рабочей смены в малогабаритной клетке с маленьким чудовищем Вадим начал склоняться к мысли, что самоубийство – вещь не такая уж и плохая. Очень даже привлекательная.

За восемь часов он семь раз покормил его молоком. Половина молочной смеси с завидным упорством выплевывалась прямо в лицо кормильцу, половина выливалась на пол. Еще ребенок проявлял отличные навыки кикбоксера: кулачком он целился в ухо Вадиму, ногой при этом ловко выбивал бутылочку.

В три часа ночи, через двадцать минут после того, как Вадим со вздохами осторожно спустил малыша с рук в корзину и прилег на диван, юношу обуяло дикое веселье. Он уже не плакал, он смеялся в голос, хихикал, размахивал руками и не мог лежать. Круглая белобрысая голова торчала над бортом корзины, жизнерадостное вяканье наполняло комнату, приглашая Вадима присоединиться. «А ну, спи!» – тихо рявкнул Вадим, но недостаточно ласково и дружелюбно. Парочка обиженных всхлипов была прелюдией грандиозному скандалу. Пришлось быстро схватить разочарованного в лучших чувствах малютку, прижать к груди и качать его еще битый час, чтобы не разбудить весь дом.

Лучи утреннего солнца озарили неясным розовым светом полупустую комнату. Чудная картина ждала здесь несуществующих зрителей. На краю дивана, в неудобной позе, висел, как космонавт на орбите, неудачливый киллер, ограждая собой безопасное пространство для маленького белого пупса. А пупс спал, раскинув ручки и ножки во все стороны, не ограничивая себя в территории, и похрапывал, как настоящий мужик.

Увидев такую картину, мама Вадима, несомненно, всплакнула бы от умиления. Но, к счастью, ей удалось умереть раньше, чем ее сын из обычного, не злого и не глупого парня превратился в наемного убийцу.

Глава 15

Маша Майская, раскованное дитя мегаполиса, органично вписалась в шумную сутолоку аэропорта. В левой руке она двумя пальцами держала пирожок с повидлом (не успела позавтракать), а правой – элегантно волокла за собой дорожную сумку, которая оказалась гораздо тяжелее, чем планировалось. Славная корреспондентка газеты «М-Репортер» будто бы специально оделась сегодня так, чтобы создать себе максимум неудобств в дальней поездке. Узкая и короткая джинсовая юбочка трещала на бедрах и делала непреодолимой любую ступеньку выше трех сантиметров. Лимонная майка-корсет, несомненно, отлично подчеркивала ровный итальянский загар (абонемент в дорогой солярий принес один из вовремя брошенных любовников) и пикантно вздыбливала упругий бюст, но делала Машу максимально уязвимой для нескромных взглядов. Впрочем, нескромным взглядом Машу трудно было испугать, она сама сверкала своими зелеными светофорами – вернее, одним, так как на второй падала золотисто-белая челка, – нагло осматривая мужчин и катапультируя в тех, кто ей нравился, игривую улыбку. И еще Машина походка. Ноги в туфлях-лодочках на высоких каблуках чудесным образом заплетались, как у манекенщицы на подиуме, а бедра раскачивались, словно стрелка метронома. Пока Маша добралась с тяжелой сумкой до огромного расписания из черного металла и замерла перед ним, вытянув шею, не менее пяти юношей выразили настойчивое желание завязать с яркой девицей близкое знакомство.

Повидло в пирожке проявило свой сволочный характер. Вместо того чтобы скромно лежать в тесте и терпеливо ждать, когда оно попадет в Машин рот, оно спрыгнуло ей на руку.

– Ах ты зараза! – громко воскликнула Маша, привлекая к себе участливое внимание мужской половины публики и удивленно-презрительное женской. Женщины Машу почему-то терпеть не могли.

Блистательная корреспондентка, ничтоже сумняшеся, облизала руку (три грузина, высматривавшие на табло рейс в Тбилиси, упали замертво) и наклонилась к сумке за носовым платком. Три грузина, сделав попытку подняться, тут же наткнулись глазами на загорелую Машину грудь, которая едва не покинула границы тесного лимонного бюстье, и упали снова, ударившись затылками о каменный пол. Если учесть, что корсеты подобной конструкции преобладали в летнем Машином гардеробе, а наклонялась она за чем-нибудь постоянно и с усердием юной гимнастки на тренажере, то можно представить, какое количество трупов производила Маша за день. К бездыханным телам на обочине своего пути Маша привыкла давно.

– Позвольте, я вам помогу!

Чья-то сильная ладонь уцепилась за ремень сумки, настойчиво отбирая ее у Маши. Маша обернулась на уже знакомый баритон. Поклонник компании «Трансаэро», мужчина из авиационных касс, смотрел на нее и улыбался. Имя, сестра, имя! Ах да... Леонид. Маша на секунду задумалась и решила все-таки тоже улыбнуться. По непонятной причине сегодня Леонид понравился ей больше, чем в авиаагентстве.

Мужчине было где-то в районе сорока пяти. Свежевыбритый, умеренно сбрызнутый хорошим одеколоном, в белой рубашке с коротким рукавом, поджарый, респектабельный, он выглядел блестящим кандидатом для новой интрижки. Маша приободрилась, автоматически втянула живот и заблестела зелеными глазами. Последние две недели она спала одна, если не считать Бублика, и от восторга не умирала.

– Конечно, спасибо! – Мария выпустила из рук сумку. – Как мило с вашей стороны!

У Леонида был импозантный кожаный кейс, Машина торба смотрелась рядом довольно плебейски.

– Леонид? – на всякий случай спросила Маша.

– Леонид Артурович, – уточнил мужчина, трезво оценивая разницу в возрасте. – А вы Мария.

– Можно просто Маша. Ах, Леонид Артурович, у вас фантастический голос!

– А вы чудесно выглядите. Как и в прошлую нашу встречу, – вернул рикошетом комплимент Леонид Артурович, сдержанно оглядывая Машу и, надо сказать, оставаясь вполне равнодушным к самым шикарным фрагментам ее тела.

– Куда летим? – осведомилась Маша. Задавать вопросы было ее профессией.

– Думаю, туда же, куда и вы.

– В Шлимовск?

– Да.

– Обалдеть! Красота! Вот здорово! – обрадовалась Маша немного горячее, чем следовало.

Новый знакомый улыбнулся такой непосредственности.

– Домой или в командировку? – продолжала допрос Маша. Она уже уцепилась за локоть Леонида Артуровича и теперь жарко висела на своем собеседнике так же, как и ее сумка. Мужчина не протестовал. Надо было быть полным идиотом, чтобы сопротивляться близкому контакту с Машинными прелестями.

– Домой.

– А что делали в Москве?

– Делал доклад на съезде прооперированных транссексуалов.

Маша отшатнулась.

– Шутка, – улыбнулся Леонид Артурович. – Я просто грабил банк.

– А... Ух, напугали. А чем занимаетесь в Шлимовске?

– Я ветеринар. Специализируюсь на аллигаторах.

– Час от часу не легче. А выглядите фешенебельно, как народный избранник.

– Угадали. Так оно и есть.

Они уже взвесили багаж и теперь двигались с небольшой очередью к залу паспортного контроля, рентгена, металлоискателя.

– Первый раз вижу депутата-ветеринара, – заметила Маша.

– Все-таки лучше, чем депутат-уголовник, правда?

– Да. А у меня, знаете, дома кот. Крокодилом похвастаться не могу. Но такой зверь! Почисте аллигатора.

– Кастрируйте, – посоветовал Леонид Артурович. – Станет покладистым, как диванная подушка.

– Вот вы ушлый! – возмутилась Маша. – «Кастрируйте»! Сразу видна твердая депутатская рука. А на себе не хотите испробовать?

– Маша, я ведь опять пошутил.

– Шуточки у вас!

– Извините. Я в котах не разбираюсь. Как, впрочем, и в аллигаторах. В Шлимовске у меня частная рейтинг-служба.

– Я вам уже не верю.

– Правда. Провожу опросы общественного мнения и неплохо на этом зарабатываю.

– Нет, ну не врете?

– Правда, Маша, правда.

– Но вы все-таки депутат?

– Депутат городской думы, – кивнул Леонид Артурович.

– Значит, вы прекрасно ориентируетесь в жизни города?

– Само собой.

– Вот это удача!

– Почему?

– Потому что... Вы хорошо себя чувствуете в самолете?

– Конечно.

– Тогда за два часа полета надеюсь вывести у вас стратегические сведения, касающиеся Шлимовска и предстоящих городских выборов.

– М-м... – задумался Леонид. – Во всяком случае, постараюсь быть вам максимально полезным. Маша, вы всегда такая социально активная? Какое вам дело до...

– Муниципальный пейзаж, городской бомонд, фигуры истеблишмента, богемная тусовка, рекогносцировка, кандидаты, расстановка сил, программы, предвыборная агитация, чаяния избирателей, а также компрометирующие сплетни, слухи... – Маше не хватило воздуха, она задохнулась.

– Да... – протянул Леонид Артурович, – думаю, двух часов полета нам не хватит. Придется продолжить знакомство у меня дома.

– Я согласна, – кивнула Маша.

На летном поле уже припекало солнце. В самолете было душно, мягкие сиденья нагрелись. Леонид Артурович взял Машин билет и удовлетворенно хмыкнул:

– У нас рядом.

– Ну, так вместе же покупали, – улыбнулась Маша. – Что ж это вы, депутат, а экономическим летите? – язвительно добавила она. – На бизнес-класс денег не хватило? Или просто желание оказаться рядом со мной было столь страстным, что вы пренебрегли привычным комфортом? Девушка, девушка, как только взлетим, принесите мне, пожалуйста, рыгальничек.

Леонид Артурович покачал головой.

– Ой, ну, пакет, – поправилась Маша. – Привыкла называть вещи своими именами. Просто и ясно. Эвфемизмы и всякие литературные ухищрения существуют для тех, кто боится посмотреть жизни прямо в морду.

– А вы, значит, не боитесь?

– Не только не боюсь, но и активно вмешиваюсь в процесс продвижения к крематорию.

– К какому крематорию, Мария?! – возмутился попутчик. – У вас, Маша, не язык, а помело!

– Ну, вся жизнь – путь к смерти. А все мы – полуфабрикаты для крематория, – обрадовала Маша.

Леонид Артурович совсем не хотел быть полуфабрикатом, он хотел оставаться самим собой – красивым, вальяжным, сравнительно молодым мужиком с блестящим быстрым взглядом.

Он сел рядом с Машей. Та прижалась носом к иллюминатору. Самолет гудел и вибрировал.

– Сейчас поедem.

– Вы на самом деле нуждаетесь в пакете? – с некоторой опаской уточнил Леонид Артурович.

Маша вредно улыбнулась:

– Конечно нет. Если что, я бы съела аэрон или бонин. Просто стюардесса не должна отдыхать. Пусть бегают.

– Какая вы Маша...

– Наглая? Или хамка? Или стерва? Что выбираете?

– ...интересная, – закончил Леонид Артурович. – Итак, выборы в Шлимовске. Вы, случаем, не журналистка? Вы будете запоминать или записывать?

Глава 16

Ночь Олеся провела в кутузке и в полном одиночестве.

...Собранные в качестве урожая проститутки, к изумлению Олеси, перебрасывались игривыми замечаниями с арестовавшими их ментами. Девицы со вздохами потрошили свои сумочки, изымая из обращения валюту и рубли. Когда все леди были переписаны и избавлены от трудового заработка, их с шутками и прибаутками отпустили. А несчастная, обескураженная Олеся (ее наряд, кстати, в условиях ночи и на фоне неброских и даже вполне скромных костюмов девушек выглядел самой что ни на есть проституточной униформой) осталась наедине с двумя молодыми жлобами, капитаном и сержантом. До этого ее подняли на смех, когда она заикнулась, что является дочерью шлимовского мэра и попала в Южный Валомей случайно, что она гуляла в парке со своим ребенком, а на нее напали два пьяных парня, они выиграли в моментальную лотерею энную сумму и на все деньги купили шампанского, напились и... Стены отделения сотрясал гомерический хохот милиционеров и секс-наемниц.

– Что только не придумают эти новенькие, когда первый раз попадут в милицию, – хихикнула барышня справа от Олеси с изъеденными кариесом зубами. – Кончай гнать, родная!

– Дочка шлимовского мэра, – ухмыльнулся дежурный офицер. – А почему не московского? А я тогда кто? Племянник Черномырдина!

– Нет, правда, почему вы мне не верите? – тихо говорила Олеся, но всплески обуявшего всех веселья заглушали ее голос.

И вот она осталась единственной заключенной. Конечно, это был ее первый тюремный опыт.

– Можно мне воспользоваться вашим телефоном? – прошептала Олеся, не зная, чем прикрыть свои ноги, такие вызывающе голые.

– Мы не в Америке, – напомнил капитан, делая какие-то пометки в журнале. – Ну что, денег у тебя, я понимаю, за этот час не прибавилось?

Он с сомнением оглядел Олесину экипировку, осознавая, что спрятать на себе миллион долларов и злостно уклониться от уплаты подоходного налога задержанной красавице трудно. А сумочки у Олеси не было.

– Давай топай в камеру. Утром разберемся, чья ты там дочка. Мэра или... – Капитан очень удачно, по его мнению, срифмовал и, гоготнув, остался чрезвычайно доволен собой.

– В камеру?! – содрогнулась Олеся. Ей представилось, что сейчас ее уволочут в зловонное плесневелое подземелье с мокрыми, скользкими стенами, ледяной водой по щиколотку, мокрицами и голодными крысами.

Но все оказалось не так страшно. Узкая, тесная камера могла похвастаться только тараканами, крысы бесславно пали жертвами недавней дератизации. Две обшарпанные скамьи тянулись вдоль стен.

– Отдыхай, бесприданница, – мягко и незлобно сказал молодой сержант, захлопывая за Олесей дверь. – Вась, а может, вообще отпустим ее, а? – крикнул он товарищу. В коридоре раздалось гулкое эхо.

– Пусть сидит, Костик, – явно зевая, ответил из-за угла капитан.

– Да и правда, – сказал Костя, – сиди уж. Куда ты сейчас в таком виде и без денег пойдешь? Обидит еще кто.

Дверь с квадратным окошком захлопнулась. Но через полчаса полуобнаженная прелестная дева начала яростно в нее колотить. То есть сначала Олеся стучала вполне интеллигентно, костяшкой указательного пальца, но никто не отозвался. И, промучившись минут двадцать, стала бросаться на дверь как пантера – она хотела в туалет, шампанское требовало эмиссии, желало участвовать в мировом круговороте воды, и терпеть больше было невозможно.

– Ты чего? – удивленно спросил сержант. Хрупкая малютка чем-то ему понравилась.

– Мне надо... в туалет, – с трудом выдавила из себя Олеся, краснея и опуская глаза. – Пустите.

– А-а... Ну, пойдем...

Когда ее снова водворили в камеру, Олеся с надеждой посмотрела на своего тюремщика, который казался вполне безвредным и даже симпатичным:

– Я есть хочу.

– Что? – опять удивился Костя.

– Я есть хочу.

О-хо-хо! Дома тотчас бы возникла заботливая Никитишна и принялась сервировать стол для обильного ужина. И дорогой папуля, пугаясь ее чрезмерной стройности, тоже постоянно подбрасывал молодым большие картонные коробки с дорогими деликатесами.

– Утром накормим, – пообещал сержант. – Доживешь?

– Вряд ли, – засомневалась Олеся, ощущая в себе ужасную пустоту, а в Константине – некоторое сочувствие.

– Ну терпи.

Олеся опустилась на деревянную скамейку. Но через минуту сержант появился вновь.

– На, – сказал он, протягивая, как обезьянке в вольер, половину бутерброда с сыром. – Больше у меня ничего нет.

На деньги, собранные в качестве мзды с проституток, можно было три дня заказывать в немецком шнель-ресторане обеды с доставкой – свиные ножки, копченые колбаски, филе лосося в сухарях. Но в данный момент у Константина был в наличии только презренный бутерброд, и он честно им поделился.

Утренняя прохлада, близкий стрекот кузнечика и первые робкие звуки еще не проснувшегося леса разбудили Татьяну. Она спала прямо на земле, доковыляв до какой-то опушки и без сил упав в густую траву.

Несмотря на все ужасы вчерашнего дня, утро в лесу было чудесно. Таня поднялась со своего цветочно-травяного ложа. Она подмокла от холодной росы, но этот холодок был приятен. Исполинская бабочка с бархатными узорчатыми крылышками попыталась сесть на ее нос. Таня засмеялась и, образованная девочка, тут же вспомнила хокку Мацуо Басе: «Бабочки полет / Будит тихую полянку / В солнечных лучах».

Полянка, ставшая для нее сегодня спальней, пробуждаясь, на глазах наливалась сочными красками и звуками. Пушистый полосатый шмель, озабоченно гудя, пролетел мимо. В далеких от земли кронах сосен играл ветер. Настроение было бы вполне до-мажорным, если бы не три бемоля, портившие всю картину: страх за Валерку, мысль, что она окончательно заблудилась, и чувство голода.

«Похитителя уже поймали, – неэффектно пыталась успокоить себя Таня, пересекая живописную поляну, всю в цветах, изумрудную, пурпурную, кукурузно-желтую, васильковую, и с удовольствием вдыхая свежий утренний воздух, – поймали, поймали! Валерка дома и не знает, куда деваться от поцелуев Олеси».

Россыпь мелких цветов привлекла Танино внимание. «Ой, земляника!» – радостно сообщила она и бросилась собирать ягоды. Красные капли на тонких плодоножках у самой земли не кончались, у Татьяны разбежались глаза. Завтрак был обилен, хотя и однообразен.

– Записывайте: Суворин Валерий Александрович, – начал свою речь случайный Машин информатор.

Маша удобно расположила на загорелых коленях толстенный блокнот и поставила на белом листе первую закорючку. Писала она как курица лапой, потому что привыкла печатать.

– Пойдите, пойдите, – сказала она Леониду Артуровичу. – Оставим милые подробности. Просто номер первый: Суворин. У вас кандидатов, наверное, штук двадцать, я к концу знакомства тронусь умом от обилия имен и отчеств.

– Как вам угодно, моя прекрасная журналистка, – безропотно согласился Леонид Артурович. – Номер первый: Суворин. Действующий мэр города. Бывший второй секретарь обкома партии.

– Возраст?

– Шестьдесят или близко к этому.

– Женат?

– А говорите, не надо подробностей.

– Жена – это не подробность, – нравоучительно заметила Маша. – Это или мобилизующий фактор, или раздражающий элемент, или катализатор психического расстройства, или друг и толчковая нога, или...

– Бог мой, какая экспрессия, Маша! – удивился Леонид Артурович. – Видно, с женщинами из категории чьих-то жен у вас особые отношения.

– М-да, – мрачно кивнула Маша. – Было дело. И не раз.

– Жена Суворина умерла лет восемь – десять назад. И с тех пор он не женился. Хотя умеет обращаться с женщинами. Они от него без ума.

– Почему же они от него без ума?

– Потому что он галантен, заботлив, не нуждается в деньгах и наделен властью. Шлимовские журналисты называют его Господин Ого-го.

– Бабник, что ли?

– Абсолютно, – отрицательно покачал головой Леонид Артурович. – То, что его прозвали Господином Ого-го, скорее относится к особенностям его речи, а не натуры. Просто он так говорит: «Мы ведь с вами ого-го!», «Ты у нас, Петрович, ого-го, так давай заканчивай ремонт трубопровода к концу недели. А то убью!» Вот так он обычно выражается.

Стюардесса проползла между креслами, толкая перед собой тележку с напитками и учтиво предлагая всем лимонад и пиво. Маша и Леонид Артурович взяли по бутылке.

– Понятно.

– Трудолюбив и компетентен. И потрясюще скромен в личных запросах.

– Да? Носки, что ли, меняет раз в неделю?

– Маша! – укоризненно покачал головой Леонид Артурович. – Суворин отказался от шикарного особняка и отдал его под детский санаторий.

– Представляю безумство прессы. Сколько слез умиления и восхищения пролили ваши местные журналисты по этому поводу!

– Само собой. А сам переселился в трехкомнатную квартиру в пятиэтажке.

– Он ведь живет один, я поняла?

– Да.

– Тогда мог бы и в однокомнатную. Да и пятиэтажка, я думаю, не панельная, а с мраморным подъездом и потолками в четыре метра.

– Возможно. Я в гостях у мэра пока не был.

– Ну а горожанами факт проживания мэра в обычной квартире расценивается как апофеоз гражданского мужества?

– Его в городе любят, скажем так, Мария. Запишите еще в блокнот, что при нем построены новая ТЭЦ, городская больница европейского уровня, отремонтированы дороги, введен бесплатный проезд для пенсионеров и студентов...

– Ваш драгоценный Суворин, я вижу, взрастил на ниве российской бедности, неустроенности, воровства и хамства шлимовский райский сад. И как это ему удалось? И голосовать, конечно, будут именно за него.

– Да. Я и не сомневаюсь, что мэром вновь станет он.

– Давайте дальше.

– Номер второй. Товарищ Елесенко. Пятьдесят два года. Возглавляет департамент экономики и планирования обладминистрации. Коммунист в собственном соку. Виртуозный демагог, гений софистики, оратор-самородок. Стабильный источник компроматов на всех и вся для шлимовской прессы. Постоянный оппонент и критик Суворина.

– У него наверняка тоже много поклонников. Вы сказали, что с членами КПРФ в городе проблемы нет.

– Нет, хотя Шлимовск и не входит в «красный пояс» России. Как владелец рейтинг-службы, сообщу вам: если судить по последнему проведенному нами опросу, Елесенко занимает второе место, идет с Сувориным, как ни странно, ноздря в ноздю. Хотя что конкретно сделал он для города? Не припомню. Но... Харизматический лидер.

– Ох, ну без прилагательного «харизматический» обойтись сегодня конечно же нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.